

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ XVIII–XX ВВ.:
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ АСПЕКТ**

Екатеринбург, 2011

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)5
Ц57

Ц57 Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2011. 384 с.
ISBN 978–5–4430–0003–9

Монография представляет собой комплексное исследование модернизаций в контексте цивилизационной динамики России XVIII–XX вв. Проанализированы цивилизационные и геополитические особенности российских модернизаций, внутренние и внешние факторы и измерения модернизационных трансформаций, их влияние на цивилизационно-культурный облик России, темпоральные и пространственные аспекты развертывания российских модернизаций.

Книга представляет интерес для историков, социологов, политологов, экономистов, философов, культурологов, регионоведов.

Издание осуществлено в рамках проекта «Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: пространственно-временной аспект» раздела 3 («Цивилизационные и геополитические особенности истории России») Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Руководитель проекта
академик РАН **В. В. Алексеев**

Ответственный за выпуск
кандидат исторических наук **И. В. Побережников**

Рецензенты:
доктор исторических наук **С. П. Постников**
доктор исторических наук **В. В. Запарий**

ISBN 978–5–4430–0003–9

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ	
ПАРАДИГМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	9
1. МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА	9
2. ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА	28
3. СИНТЕЗ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ	38
ГЛАВА II. РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТИП	59
1. ПРИРОДА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	59
2. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ	75
3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН	95
ГЛАВА III. ЭКЗОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ	
ДИНАМИКИ В РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ	
КОНТЕКСТЕ	116
1. ЭКЗОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ В МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	116
2. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД)	122
3. ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	154
ГЛАВА IV. ЦИКЛИЧНОСТЬ В ЦИВИЛИЗАЦИОННО-	
МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ РОССИИ	160
1. МЕХАНИЗМЫ ЦИКЛИЧНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	160
2. ЦИКЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ	166
ГЛАВА V. ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ	
РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	200
1. ЭВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ	202
2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ	219
ГЛАВА VI. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ РАЗВЕРТЫВАНИЯ	
МОДЕРНИЗАЦИИ	244
1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ АРЕНА РОССИЙСКИХ МОДЕРНИЗАЦИЙ	244
2. ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННО- МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ РОССИИ	272
3. ФРОНТИРЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	305
ГЛАВА VII. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС КАК	
ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ	331
1. РАННЯЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ: УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА ПО МОДЕЛИ ЦЕНТРА	331
2. СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ: ВЫЗОВ НОВЫХ ЛИДЕРОВ НТП	339
3. ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА	354
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	374
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	383

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы о цивилизационном статусе России, месте страны в мире, о степени ее зависимости от внешнего контекста и собственной способности оказывать на него влияние, о соотношении универсального и уникального в ее истории, эндогенных и экзогенных факторов развития приобрели особую актуальность в современный постсоветский период, который характеризуется утратой приоритетного положения в мировом сообществе, трудными поисками путей и способов ее дальнейшего развития, необходимостью обретения новой национальной идентичности и консолидирующей национальной идеи.

С точки зрения кардинальной смены технологических способов производства человеческая история знает две величайшие революции. Первая связана с заменой собирательства и пастушества земледелием (неолитическая), вторая — с переходом от аграрного общества (традиционного) к индустриальному или современному (модернизация). Следовательно, модернизация — явление цивилизационного масштаба, глобальный феномен мировой истории. Под знаком модернизации прошли XVI–XX вв. мировой истории. Модернизация заняла половину последнего тысячелетия человеческой истории. В разных странах она имела разные стартовые условия, шла разными путями и имела разную продолжительность. Этот процесс охватывал все сферы человеческого существования: типы и способы производства; изменения в образе жизни; социальную мобильность; урбанизацию; секуляризацию; распространение информации, грамотности и образования; широкое участие в политической жизни.

В модернизированном обществе, в отличие от традиционного, усилия человека или животного заменены неодушевленными источниками энергии (пар, электричество, атомная энергия), экономическая деятельность отделена от традиционного окружения, орудия труда заменены машинами и сложными технологиями, обеспечен рост вторичного (промышленность и торговля) и третичного (обслуживание) секторов экономики при сокращении первичного (добыча), осуществлена большая специализация экономических ролей в производстве, потреблении и распределении, созданы условия для самоподдерживающего роста экономики, широкого распространения грамотности и светского образования, формирования новой культурной парадигмы, акцентирующей внимание на прогрессе, расширена сфера интересов, развита гибкая институциональная система, способная приспосабливаться к постоянно меняющимся потребителям.

С середины XX в. процессы модернизации являются объектом пристального внимания представителей особой научной школы, которая именуется модернизационной. Модернизационная школа явилась междисциплинарной попыткой освещения процессов развития в период перехода от стадии традиционного к стадии индустриального общества. Каждая дисциплина вносила свой вклад в определение ключевых проблем модернизационного перехода. Особенно активно в этой парадигме работали социологи, экономисты, политологи, историки. Социологи фокусировали внимание на изменениях социальной структуры и моделей поведения; экономисты изучали технологическую, инвестиционную, внешнеэкономическую, распределительную политику, подчеркивали значимость увеличения производственных инвестиций для достижения самоподдерживающегося экономического роста; политологи рассматривали роли партий, элит, групп интересов в процессе политической мобилизации, придавали большое значение росту возможностей политических систем, существенное внимание уделяли влиянию традиций, ценностных установок, традиционных лояльностей, национальных символов на стремление поддерживать демократические институты; историки накладывали концептуальную схему модернизационной теории на историческое прошлое, оценивая развитие человечества с точки зрения его прогресса и перспектив, открываемых теорией; социальные психологи описывали становление «современной» личности; антропологи подчеркивали различия между традиционной и современной системами мышления.

Существует огромное количество литературы по проблемам модернизации. В мировом обществоведении создан значительный теоретико-методологический багаж изучения проблем модернизации. Разрабатывались критерии, определялись фазы, этапы, типы, агенты модернизации и ее элиты, их влияние на темпы и характер общественного развития и самого модернизационного перехода (У. Ростоу, Н. Смелзер, С. Эйзенштадт, Д. Лернер, Д. Эптер, С. Блэк, С. Хантингтон и др.).¹

В последние годы усилилось внимание к проблемам модернизации и в самой России. А. Г. Вишневский, Б. Н. Миронов, В. А. Красильщиков, В. Г. Федотова, А. С. Сенявский, В. В. Согрин, В. И. Пантин, И. В. Побережников, О. Л. Лейбович, С. Каспэ, Н. Н. Зарубина и др.

¹ Rostow W. The Stages of Economic Growth. Cambridge, Mass., 1960; Social Change. Sources, Pattern and Consequences, N.-Y., 1964; Apter D. The Politics of Modernization. Chicago, 1966; Levi M. Modernization and the Structure of Society, Princeton, 1966; Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History. N.-Y., 1966; Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. New Jersey, 1967.

анализировали особенности и типичные черты модернизационных процессов в России и мире.²

Теория модернизации, безусловно, обладает большим познавательным потенциалом. Изучая различия между традиционным и современным обществами, она имеет своим предметом радикальные и всеобъемлющие трансформации человеческого существования и деятельности, произошедшие за последние пять столетий. Менее десяти поколений назад люди безраздельно принадлежали все еще узнаваемому, но уже совершенно чуждому нам миру традиционной, аграрной цивилизации, мы же живем в ситуации принципиально иных качественных и количественных характеристик, определяемых индустрией. Можно признать, что и в России последний век ознаменовался пятью революциями, осуществившимися, несмотря на те объективные преграды, которые воздвигал на их пути традиционалистский социум: экономической, урбанизационной, политической, демографической, культурной.

² Красильщиков В. А., Гутник В. П., Кузнецов В. И., Белоусов А. Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком: развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 40–56; Козловский В. В., Уткин А. И. Федотова В. Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995; Согрин В. В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // Вопросы философии. 1994. № 11. С. 3–18; Лейбович О. Л. Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 2000; Региональное развитие в контексте модернизации / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, М. Н. Денисевич, И. В. Побережников. Екатеринбург, 1997; Алексеев В. В. Россия в контексте теории модернизации // Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997; Алексеев В. В., Побережников И. В. Модернизация и традиция // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998; Пантин В. И., Лапкин В. В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51; Зарубина Н. Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 4. С. 25–37; Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2; Алексеев В. В., Побережников И. В. Школа модернизации: эволюция теоретических основ // Урал. ист. вестн. 1999. № 5–6. С. 8–49; Федотова В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000; Кастэ С. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. М., 2001; Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу. М., 2006.

В отечественной литературе широкое распространение получила идеологизированная трактовка модернизации, обязательно связывающая ее с рыночной экономикой и либеральной демократией. Подобный подход отличает явный европо- и западо-центризм, поскольку именно Западная цивилизация в рамках данного подхода понимается как эталон развития, «законодательница моды», все же остальные варианты модернизации оцениваются исключительно путем сопоставления с указанным эталоном. При этом всякие отличия от него объявляются аномалией, ведущей в исторический тупик. В основе подобного подхода лежит прямолинейная эволюционистская идея, предполагающая всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия, согласно общим закономерностям преимущественно внутреннего происхождения. Суженный подход, ориентированный только на западный эталон, существенно обедняет возможности его использования применительно ко всемирной истории. Между тем, модернизация протекала в различных цивилизационных контекстах, опираясь, соответственно, на разные культурные традиции. Успехи ряда стран не Западной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея и т. д.) свидетельствуют в пользу более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту не только стран Западной Европы и Северной Америки, но и других регионов мира. Именно включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выйти за рамки устаревшей теоретической конструкции и рассмотреть российскую модель модернизации как результат воздействия цивилизационных структур на ход и характер развития.

При этом необходимо учитывать, что традиционно цивилизационная динамика России рассматривалась в русле теории локальных цивилизаций, которая концентрировала внимание исследователей на внутренние факторы и предлагала видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего внешних воздействий. Подобный подход также явно противоречит реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы (речь, в частности, идет о промышленной революции, демографической революции, демократизации, НТР и т. д.). В монографии, соответственно, впервые в отечественной историографии планируется комплексно рассмотреть проблемы роли и соотношения внутренних и внешних факторов в обеспечении формирования цивилизационной российской модели модернизации.

Всеобъемлющий характер модернизационных перемен обуславливает необходимость применения комплексного подхода, что означает многоаспектное и многоуровневое изучение процесса перехода от традиционного к современному обществу в пространственно-временной плоскости, включающее идентификацию цивилизационных констант и их преломление в модернизационном процессе, выявление влияния на процесс модернизации географического фактора: геополитических реалий (геополитического положения государства, его природно-ресурсного потенциала), характера институционализации взаимоотношений между центром и периферией, определение соотношения внутренних и внешних факторов и измерений модернизационных трансформаций, их влияния на цивилизационно-культурный облик России.

Целью данной публикации является выявление цивилизационной специфики российской модернизации, определение места странового модернизационного маршрута в мировом процессе цивилизационной и модернизационной динамики.

В процессе исследования планируется: определить воздействие цивилизационных структур на формирование модели и динамики российских модернизаций; выявить роль экзогенных факторов в обеспечении модернизационной динамики России; объяснить механизмы циклизма в рамках цивилизационно-модернизационной динамики; определить соотношение эволюционных и революционных механизмов модернизации в рамках российской цивилизации; выявить геополитические факторы и пространственно-региональные особенности распространения волн и субпроцессов модернизации.

Масштабность проекта обуславливает необходимость использования в качестве теоретической основы нескольких теоретико-методологических подходов, в том числе цивилизационного, модернизационного, теории диффузии нововведений как в автономном, так и в интегрированном режиме.

Разделы монографии написаны следующими авторами:

Введение — *В. В. Алексеевым*; глава I — *И. В. Побережниковым*; глава II: разделы 1, 2 — *В. В. Алексеевым*, раздел 3 — *Е. Т. Артёмовым*; глава III — *Е. В. Алексеевой*; глава IV — *С. А. Нефедовым*; глава V — *В. В. Алексеевым*; глава VI: разделы 1, 2 — *К. И. Зубковым*, раздел 3 — *И. В. Побережниковым*; глава VII — *В. Э. Лебедевым*; заключение — *В. В. Алексеевым*.

ГЛАВА II. РОССИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТИП

1. ПРИРОДА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Природа Российской цивилизации, ее сущность и критерии слишком многогранны и сложны, чтобы их можно было рассмотреть в одном параграфе. Не претендуя на исчерпывающую полноту, попытаемся представить свое понимание сути этого исторического феномена. Подходы к нему четко определил В. О. Ключевский: «У каждого народа своя судьба и свое предназначение. Судьба народа складывается из совокупности внешних условий, среди которых ему приходится жить и действовать. Назначение народа выражается в том употреблении, какое народ делает из этих условий, какое он вырабатывает из них для своей жизни и деятельности».¹

Особенности цивилизации

Судьба Российской цивилизации складывалась под воздействием множества внешних и внутренних факторов, которые обусловили формирование цивилизационных констант. Среди них немало таких, которые присущи только Российской цивилизации. С нашей точки зрения, к этим константам относятся:

гигантские размеры территории с многочисленным населением, особое геостратегическое положение между Востоком и Западом;

уникальные природные ресурсы;

географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу;

трудные условия воспроизводства человеческого существования;

догоняющий характер экономического развития;

незащищенность естественными рубежами от посягательств извне;

продолжительное отсутствие выхода к морю;

неоднородность развития, но длительность существования;

православие — консолидирующая основа цивилизации;

¹ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 373.

- преимущественно православный характер культуры и традиций;
- полиэтничность и многоконфессиональность народов, их толерантность;
- имперскость, державность, авторитаризм, унитаризм;
- длительность крепостничества, неукорененность капитализма, социалистические тенденции;
- общинность, идеи социальной справедливости, нестяжательства, миссионизм;
- экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм;
- неравномерный, мобилизационный тип развития;
- специфические черты характера народа — от доверчивости и покорности к буйству и вольности, от великого трудолюбия к неритмичности трудовых усилий и др.

Гигантские размеры территории образовались в ходе колонизации земель сначала Приднестровья, Поволжья, а затем Сибири, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока. Если в середине XVI в. Россия располагалась на территории 550 тыс. кв. км, то в начале XX в. ее площадь составляла 21,8 млн кв. км, а население только европейской части за 1480–1895 гг. выросло с 2,1 до 110 млн чел., тогда как Англии (без колоний) с 3,7 до 39,3 млн чел.²

Наиболее активно этот процесс происходил в эпоху Великих географических открытий, когда территория Московского государства прирастала за год в размере целой страны — Швеции. В результате образовалась огромная империя от Балтики на Западе до Тихого океана на Востоке и от Северного Ледовитого океана на Севере до горных хребтов Тянь-Шаня на Юге. В итоге площадь цивилизации приблизилась к 1/6 части обитаемой суши планеты Земля с большой численностью населения и огромным количеством полезных ископаемых, пахотных угодий и водоемов.³

Занимая вмещающее пространство Северной Евразии, она имеет особое геостратегическое положение между Востоком и Западом. По оценке знаменитого английского геополитика Х. Дж. Маккиндера это есть Хартленд (срединная земля, от англ. «heart» — сердце и

² Солоневич И. Дух народа // Русская идея в кругу писателей и мыслителей Русского зарубежья. Т. II. М., 1994. С. 317, 318.

³ Россия. Энциклоп. словарь. СПб., 1898. Перензд., 1991. С. 1–4; Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 24. Кн. II. С. 9, 23.

«land» — земля). Более того, сформулировав концепцию «географической причинности во всемирной истории», он называл Россию осевым государством (*pivot* — центр, ось вращения), которое служит стабилизатором мировых процессов.⁴ После революции 1917 г. и крушения имперской России, распада СССР в 1991 г. на ее бывшей территории образовалось 21 самостоятельное государство, что еще раз свидетельствует о масштабах Российской цивилизации.⁵

Необъятные просторы Российской цивилизации, ее природные богатства не только благо, но и трудная проблема. Такую территорию не удалось сполна освоить за сотни лет. Она требует огромных затрат для поддержания суверенитета, ведет к искаженному пониманию неисчерпаемости природных ресурсов и как результат — к экстенсивной экономике, что консервирует отставание в развитии.

Географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу проявляется в областях с диаметрально противоположным климатом и наличии большого количества территорий с экстремальными природными условиями. В то время как Крайний Север относится к арктическим и субарктическим поясам, южные территории — к субтропическим. В арктических широтах период с положительными температурами составляет 2,5–3 месяца, а максимальные зимние температуры достигают -50° . В центральных и южных районах климат более благоприятен, но их территория после распада СССР серьезно сократилась. Районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности ныне составляют 62% общей площади Российской цивилизации.⁶ При всем прогрессе науки и техники природно-климатические условия изменить не удастся, тем более посредством политических реформ и революций.

Трудные условия воспроизводства человеческого существования были порождены прежде всего неблагоприятными климатическими условиями хозяйствования, связанными с многочисленными неурожайными годами, высокими затратами труда на единицу продукции, большими транспортными расходами. Для достижения уровня

⁴ См. подробнее: Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 163, 169; Он же. Круглый мир и достижения мира // Урал. ист. вестн. 1994. № 1. С. 152–157.

⁵ Критерии успешности страны, цивилизации, человечества. Материалы постоянно действующего научного семинара «Россия в историческом и мировом пространстве». Вып. 8. М., 2010. С. 49.

⁶ Россия. Энциклопедический словарь. С. 21; БСЭ. С. 36, 39; Лаженцев В. Н. Социально-экономические проблемы Севера: методология и опыт комплексного регионального исследования. Сыктывкар, 2010. С. 7, 8, 21.

развитых стран России требуется 14,2 т условного топлива на человека, тогда как Японии достаточно 4,5, Германии 6,1 т.⁷ В результате объем совокупного прибавочного продукта в России значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе.⁸ Индустриальная цивилизация значительно расширила границы жизнеобеспечения, но принципиально не изменила его высокой затратности. Мало времени остается для образования и культуры. Ситуация еще больше обостряется недостаточной встроенностью в мировую торговлю и международное разделение труда.

Догоняющий характер экономического развития объясняется природно-климатическими условиями, удаленностью от передовых центров цивилизации, затянувшимся пребыванием в состоянии традиционного общества, его аграрного характера, долгим крепостным правом, непоследовательностью модернизации, недостатком образовательного уровня населения, хронической нехваткой капиталов для инновационного развития, многочисленными войнами и революциями.

Вплоть до XX в. Россия была преимущественно аграрной державой, обеспечивая продовольствием не только себя, но и ряд стран Европы. На долю сельского хозяйства приходилось более трех четвертей национального дохода. 85% населения составляли крестьяне. К началу I Мировой войны лишь 14,6% населения жили в городах, только 22% были заняты вне аграрного сектора, тогда как в развитых странах Западной Европы удельный вес работающих вне сельского и лесного хозяйства превышал половину всего самостоятельного населения, а в Великобритании доходил до 90%.⁹

Невысокий уровень прибавочного продукта, получаемый в сельском хозяйстве препятствовал первоначальному накоплению капитала для развития промышленности, чем в значительной степени объясняется отставание России от Западной Европы в переходе от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу. В XX в. ситуация изменилась в противоположном направлении. Промышленность заняла господствующие позиции, раздвинула границы жизнеобитания, а сельское хозяйство пришло в упадок и не могло прокормить собственное население. Об этой метаморфозе напи-

⁷ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России в XIX–XX вв. СПб., 1998.

⁸ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 572.

⁹ Красильщиков В. А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX в. с точки зрения мировой модернизации. М., 1998. С. 40.

сано слишком много, и не имеет смысла продолжать данную тему в кратком изложении.

Незащищенность естественными рубежами от посягательства извне происходила от огромных пространств, не ограниченных крупными водными или горными преградами. Исключение до недавних пор представлял Север с его Ледовитым океаном. С Востока и Юга по просторам цивилизации периодически прокатывались волны кочевников. С запада наступали европейцы, прежде всего германцы и скандинавы. О масштабных и кровопролитных войнах двадцатого столетия и говорить не приходится, в том числе о «холодной войне», которая требовала ядерного паритета между Атлантической и Российской цивилизациями. Паритет был достигнут, но это не спасло СССР от гибели. Войны держали Российскую цивилизацию в состоянии постоянной боевой готовности. Отсюда одна из причин мобилизационного типа развития.

Занимая срединное положение между Европой и Азией, Российская цивилизация не только обороняла себя, но и эти обе части света. Она спасала Европу от азиатов (Батый, Аттила, Тамерлан), а Азию (до определенной поры) от европейской колонизации. При этом Россия в отличие от европейцев, присоединяя все новые и новые территории не искореняла их аборигенов, а приобщала к своей цивилизации, оберегая от более жестоких захватчиков, что сплачивало многочисленные этносы и конфессии вокруг нее. В этом уникальность Российской цивилизации.

Продолжительное отсутствие выхода к морю и в целом континентальный характер цивилизации тормозили диффузии инноваций, обмен экономическим, военным и культурным опытом, порождали застой политической, экономической, социальной и культурной жизни прежде всего в народной толще. Элита общества активной пользовалась инновациями, но это приводило ее к паразитизму и отрыву от народа, что обостряло социальную напряженность, вело к росту протестных настроений и действий, вылившихся в Российскую революцию начала XX в., последствия которой не преодолены до сих пор. Проиллюстрируем это одним конкретным примером. С включением России в европейский модернизационный процесс на ее территорию усилилось поступление западных инноваций, которыми прежде всего воспользовалось российское дворянство. Его ежегодные расходы на новомодные прихоти в 1793–1795 гг. составляли не менее 18 млн руб., что достигало более 35 % доходов помещичьих хозяйств.¹⁰ В дальнейшем

¹⁰ Karah A. The Costs of Westernization in Russia: The Century End the Economy in the Eighteen Century // Slavic Review. Vol. XXV. № 1. 1996. P. 46.

эти расходы увеличились еще больше, приводя к крупным займам и неоплатным долгам помещиков, а те в свою очередь, увеличивали повинности крестьян, чтобы поднять доходы и выпутаться из долгов. В итоге модернизация вместо роста экономики и повышения ее эффективности вела к обострению противоречий в обществе.

С выходом к европейским морям, особенно к Балтийскому, активным привлечением зарубежных инноваций, положение стало меняться в лучшую сторону, но медленно. И только после отмены крепостного права с активизацией российской модернизации этот процесс стал набирать темпы, достигнув мировых вершин в XX в. Однако сегодня он пробуксовывает в связи с распадом страны и потерей крупных морских портов на Балтике и в Черном море.

Неоднородность развития, но длительность существования — более 1000 лет в очередной раз свидетельствует о цивилизационном статусе России. Ее киевский, татарский, московский, советский и постсоветский периоды очень сильно отличаются друг от друга, демонстрируют неоднородность развития, но это этапы одной цивилизации, несмотря на свою хронологическую разнородность. Иначе и не могло быть, как и с другими локальными цивилизациями. На протяжении тысячелетия были подъемы и спады, причем крутые, но линия существования не прерывалась, несмотря на казалось бы конец: татаро-монгольское, наполеоновское, гитлеровское нашествия, смуты начала XVII и XX вв., распад государства конца XX в. Оставались территория, природные условия, этносы и конфессии, особенности власти, культуры и традиций, тип развития. Менялись масштабы, политические режимы, социальные страты, положение в мире, но суть цивилизации сохранялась, что свидетельствует о жизнестойкости ее природы.

В Российской цивилизации отмечаются столетние циклы: 1610 г. — смутное время; 1709 г. — Северная война; 1812 г. — Отечественная война; 1914–1917 гг. — I Мировая война и революция. Встает естественный вопрос: чем ознаменуются 2012–2017 гг.? Логично предположить, что произойдет нечто подобное, но для такого ответственного утверждения необходимо знать движущие силы подобных циклов, а они пока слабо изучены.

Православие — консолидирующая основа Российской цивилизации. Оно стояло у истоков русской государственности, способствовало утверждению национального самосознания народов, их сплочению в борьбе против иноземных захватчиков. Одно из ранних проявлений русского национально-православного сознания отражено в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, относящемся к середине

XI в. Мысль о богоизбранности «Русской земли» звучит в письменных источниках киевского периода русской истории.¹¹

Русских людей скреплял идеал священного царства, которое после падения Византии оставалось единственным в мире, такое как православная правда, истина, не допускающая разночтений. Впрочем, нам представляется, что истина едина и неделима, а не множественна, как утверждают современные либеральные идеологи. Православие являлось не только религиозной ценностью народа, но и его мировоззрением. Русский человек, воспитанный в духе православия, не был излишне притязателен к земным благам, не преувеличивал значение материального, придерживался духовных ценностей. Православие как никакая другая религия было терпимо к вере и культуре других народов, что способствовало их консолидации в Российской цивилизации.

Без православия невозможно понять глубинные пласты нашей истории, в частности ее изначально земледельческий характер. Победа земледельческой цивилизации над кочевнической носила евангелический смысл. Отсюда отождествление землепашца — крестьянина и христианина. Примат трудового этноса над захватническим кочевьем или спекулятивно-ростовщическим в дальнейшем составил отличительную черту русского народа. Нередко слова «православный» и «русский» употреблялись как синонимы. Видимо, все это дало основание Ф. М. Достоевскому заявить: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет, да и не надо, потому что Православие — все».¹²

Наиболее колоритным эталом в истории российского православия была эпоха Московского царства. К этому времени относится провозглашение мессианской идеи — «Москва — Третий Рим», которая утверждала, что вслед за Римом и Константинополем центром христианства становится Россия во главе с русским князем, ответственным за судьбу всего православного мира. Эта идея была положена в основу идеологии московского государства. «Борьба за веру Православную — по мнению А. Н. Боханова, — являлась основополагающим духовным импульсом, благодаря которому Русь пережила («превозмогла») потрясения начала XVII в.»¹³ И, конечно же, последующие.

¹¹ Боханов А. Н. Русская идея от Владимира Святого до наших дней. М., 2005. С. 22, 23.

¹² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972–1990. Т. 27. С. 64.

¹³ Боханов А. Н. Указ. соч. С. 176.

Православие сыграло важную роль в расширении границ Российской цивилизации, оно обращало в свою веру многочисленные народы, вливающиеся в ее состав, несло им европейскую культуру и христианскую нравственность, прививая чувство духовности, любви к ближнему, взаимопомощи, милосердия. В ходе колонизации необъятных просторов цивилизации коренные народы, живущие на ее окраинах, не уничтожались, а включались в ее состав, даже в элиту общества. Эти качества, свойственные Российской цивилизации, прошли через века, способствовали ее консолидации и авторитету. Характерно, что в московский период, в отличие от последующих, верхи и низы общества принадлежали к одному и тому же социокультурному типу, не замутненному иноземным влиянием. Теперь трудно предположить, каким путем пошла бы русская история, если бы так продолжалось и дальше.

Реформы Петра I заметно деформировали православие. Властно-прагматическая идея «империи» начинает превалировать над православно-мессианской идеей «царства». Началась духовно-культурная переориентация на протестантскую Европу.¹⁴ Петровские реформы породили двойственность цивилизации: народ оставался в своей вере и обычаях, а элита ориентировалась на Европу. По оценке Л. А. Тихомирова Россия «не могла отречься от своей веры религиозной и политической (Православие и Самодержавие) потому, что то и другое крепко жило в тайниках народной психологии».¹⁵ «Переделявать русского в европейца, — по мнению Ф. М. Достоевского, — как либералы его переделявают, — есть сущий разврат».¹⁶

В XX в., несмотря на отделение церкви от государства и ее разгром, православие сохранялось в народной толще, потому что слишком глубоки и крепки были его корни накануне революционных потрясений. По переписи населения России 1897 г. православные составляли 98% русского народа. К православию в трудные годы обращалась даже богоборческая власть, например во время II Мировой войны, когда были сделаны большие послабления для церкви, возвращены из лагерей священнослужители. С падением советского строя в конце века православие получило государственную поддержку и значительно расширило поле деятельности вплоть до того, что стало объектом критики Атлантической цивилизации вместо ненавистного ей до недавнего времени коммунизма.

¹⁴ Там же. С. 26.

¹⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 290.

¹⁶ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 26. С. 170.

Причины две. Во-первых, православие осталось единственным носителем принципа блаженства нищих духом. Новолиберальная эпоха, напротив утверждает, что у бедных и неприкаянных нет алиби — они достойны своей участи. Неравенство богатых и бедных теперь носит уже не столько социально-классовый характер, сколько расово-антропологический, связанный с делением мира на приспособленных и неприспособленных. Во-вторых, православие — единственная сила, обещающая новую интеграцию, поверженного Третьего Рима, или в новом лексиконе, проигравшего «холодную войну» «второго мира». Победители заинтересованы в раздробленности побежденных, эрозии православия как держателя духовного единства восточнохристианской цивилизации. Православие опасно как носитель единой восточнославянской идентичности — залога возможной будущей реинтеграции побежденных в «холодной войне». ¹⁷ Это близко к тому, что писал в позапрошлом веке о европейцах Ф. М. Достоевский: «Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами... Все-му этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем не ту, чем они, в человечество». ¹⁸

Преимущественно православный характер культуры и традиций — отличительная черта Российской цивилизации. В основе православной культуры, с одной стороны, лежало оседлое, земледельческое практическое начало, а, с другой стороны, возвышенное религиозное чувство православной веры, которая «духовно руководила народом в течение столетий, определяя его культурные деяния, закладывая тем самым основания его культуры в прошлом и для будущего». ¹⁹ По утверждению И. А. Ильина, с которым трудно не согласится, «всякая народная культура есть живое органическое единство, коренящееся в религии». ²⁰ Это в полной мере относится к русской культуре, построенной «на чувстве и сердце, на созерцании, на свободе совести и свободе молитвы». ²¹

Православие оказало решающее влияние на творчество выдающихся русских писателей Державина, Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, композиторов Мусоргского, Чайковского, Бородина и других деятелей русской культуры. По оценке И. А. Ильи-

¹⁷ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 219, 220.

¹⁸ Достоевский Ф. М. Указ. соч. Т. 27. С. 35.

¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 415.

²⁰ Там же. С. 467.

²¹ Там же. С. 411.

на, Пушкин «руководствовался древней и прекрасной традицией православной церкви», а «все, что пишет Достоевский, является прорывом к Богу, зовом Господу, борьбой за преображение и за дух Христа».²² По Ильину кто понимает это «тот владеет ключом к сокровищнице русского искусства».²³

Преимущественно православный характер российской культуры изучен основательно и нашел отражение в многочисленных трудах по истории России. Однако существует несколько проблем, по которым требуются комментарии. Во-первых, как соотносить это с уникальной многонациональностью Российской цивилизации? Во-вторых, насколько повлияли западная и восточная диффузии на русскую культуру? В-третьих, какую роль во всем этом играла антиномичность нашей культуры.

Ответом на первый вопрос служит многовековая историческая общность народов, их взаимовлияние и доминирующая роль славянской составляющей, что привело к интеграции многих культурных ценностей и обычаев при сохранении национального колорита. Ответ на второй вопрос зависит от степени междивизиационных и межстрановых влияний. Они разумеется были, но не перевешивали базовую составляющую. Третий вопрос касается социальных различий между народной и элитарной культурами. Они, конечно, были как и во всех цивилизациях, но это не отменяет самобытность российской культуры. Более того, она получила мировое значение, решая сложнейшие общечеловеческие проблемы. Сравнивая с позиций православия суть разных духовных культур, Ф. М. Достоевский писал: «В Европе выгода, у нас — жертва».²⁴

Полиэтничность и многоконфессиональность народов Российской цивилизации феноменальны. В принципе полиэтничность и многоконфессиональность черта многих цивилизаций, но такое многообразие как в России, их толерантность, явление редкое. К началу XX в. здесь насчитывалось 150 больших и малых этносов, различных по языку, культуре, особенностям быта, но тесно связанных общностью исторических судеб. Больше половины составляли русские и представители других славянских народов. Жили тюрки, угро-финны и многие другие. Одни исповедовали православие, другие — ислам, третьи — буддизм, а некоторые — иные культы.

²² Там же. С. 386.

²³ Там же.

²⁴ Достоевский Ф. М. Указ соч. Т. 2. С. 286.

Господствующим было православие, но оно уживалось с другими религиями, что редко случалось в истории. Представители разных народов и конфессий входили в элиту российского общества и нередко занимали высокие посты. Россия не знала геноцида народов, инквизиции, религиозных войн. Такому единению способствовали как внутренние, так и внешние обстоятельства — нелегкие условия существования в суровом климате и постоянная опасность нападений извне в связи с незащищенностью границ естественными рубежами.

В результате взвешенной национальной и конфессиональной политики в Российской цивилизации вплоть до начала XX в. в основном сохранялась стабильность, за исключением волнений в Польше и на Северном Кавказе, что однако не исключало перманентного напряжения между народами, а также конфессиями. Восточные народы со своими религиями явно тяготели к зарубежным братьям, а борьба между славянофилами и западниками отражала противостояние между Российской и Западной цивилизациями, между православием и католицизмом, а также другими христианскими верованиями.

Имперскость, державность, унитаризм, авторитаризм в первую очередь проявлялись в особой роли государства, которое в условиях огромной территории, многонациональности и многоконфессиональности, отсутствии естественных рубежей защиты от постоянных притязаний иноземцев могло сохранить целостность и политическую самостоятельность цивилизации. Территория России, зажата между Европой и Азией, веками служила коридором переселения народов, которые грабили все на своем пути. По определению И. А. Ильина: «Русская история развивалась так, что для нее не было никакого выбора: *или надо было сражаться, или быть уничтоженными*: вести войну или превратиться в рабов и исчезнуть».²⁵

Отсюда «упорная борьба между прорывом к свободе и жесткой государственной необходимостью, между склонностью к анархии и инстинктом национального самосохранения».²⁶ После свержения татарского ига русские сделали вывод «*или Россия утвердится как единое государство, или пойдет ко дну*».²⁷ С этого времени унитаризм государственного устройства все более и более утверждался на необъятных просторах российской цивилизации. Он персонифицировался в авторитаризме, самодержавности, монархизме.

²⁵ Ильин И. А. Там же. С. 477.

²⁶ Там же. С. 564.

²⁷ Там же. С. 575.

На этих принципах выросла огромная империя, где исповедовалась сильная власть, ее единство с церковью, как говорили в старину — «царство» и «священство». Государство в православии наднационально, что исключительно важно для многонациональной Российской цивилизации, которая сформировалась не на этнической, а на православной общности. До поры до времени «за самодержавную власть народ стоял твердо, как скала. Без царя он не представлял себе своей страны».²⁸ Царистский культ на века вошел в российскую историю: великий князь, царь, император, генеральный секретарь, президент. Авторитаризм власти периодически доходит до крайности. Иван IV, Петр I, Сталин принесли ему в жертву даже своих сыновей, а Ельцин разрушил Советский Союз, чтобы устранить своего соперника Горбачева.²⁹

Трудно складывалась в Российской цивилизации судьба федерализма. Хорошо известно, чем кончилась феодальная раздробленность Руси, которую условно можно уподобить федерации. Московским княжеством была поглощена Новгородская республика. Не состоялось «республиканское» правление в смутное время начала XVII в. Российская федерация эпохи пролетарской революции XX в. вылилась в союзное государство (СССР), которое распалось в конце XX в. Немало трудностей возникло в обновленной Российской Федерации, особенно после директивы ее первого Президента Б. Н. Ельцина «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Не внушает оптимизма и нынешняя ситуация. И все это потому, что Российская цивилизация слишком огромна с принципиально разными условиями многочисленных регионов, а положительного исторического опыта федерального устройства мало.

Авторитаризм заменял слабость гражданского общества, но обеспечивал независимость огромной страны в условиях враждебного окружения. Отсюда девиз «За Веру, Царя и Отечество», который в первой трети XIX в. отлился в триаду «Православие, самодержавие, народность». Считалось, что именно эти составляющие обеспечивают благоденствие и могущество России, мир между ее народами и сословиями, защиту от «тлетворных» революционных идей Запада. В советское время эта формула подверглась резкой критике и казалось, что была отменена навсегда. Однако, она фактически наполнилась новым содержанием: марксизм-ленинизм, диктатура пролетариата, «новая историческая общность — советский народ» и продолжала существовать.

²⁸ Тихомиров Л. А. Указ. соч. СПб., 1992. С. 273.

²⁹ Конечно, у распада Советского Союза много причин, но итоговая все-таки за Ельциным.

В итоге можно утверждать, что российское государство, в отличие от других держав, не нация, а цивилизация.

Длительность крепостничества, не укорененность капитализма, социалистические тенденции — отличительные черты Российской цивилизации. Эта проблема прописана и на несколько рядов переписана как в российской, так и в зарубежной историографии. Казалось бы к ней не имеет смысла вообще обращаться. Однако, необходимо зафиксировать, что она является одной из стержневых особенностей Российской цивилизации и требует своего осмысления с позиций цивилизационного подхода. Крепостное право существовало во многих цивилизациях, а в Российской подневольный труд применялся, пожалуй, дольше всех. При этом надо учитывать, что крепостное право в России было отменено практически одновременно с рабством в США. К крепостничеству стоило бы подходить не только с социально-политической, но и с экономической стороны. Его удалось отменить только тогда, когда для этого созрели экономические предпосылки, которые нуждаются в более глубокой разработке.

Неукорененность капитализма и социалистические тенденции тоже имели место в ряде цивилизаций, но они получили особое звучание в России потому, что она не пошла по пути капитализма, а встала на социалистический путь после революции 1917 г. Достаточного объяснения такому феномену не дано до сих пор, без чего невозможно понять природу нашей цивилизации.

Соборность, общинность, идея социальной справедливости, нестяжательства, миссионизма составляли стержень Российской цивилизации, символизирующий духовную общность народа, единство православной церкви, ее вселенскость, поскольку она, в отличие от западных конфессий, сохранила подлинность Христовой веры. Отсюда общность людей, их стремление к сплочению и взаимопомощи на пути к религиозному и общественному единению народов, всего человечества. Эта миссианская идея широко распространялась в России и за рубежом, способствуя консолидации Российской цивилизации, ее авторитету в международном сообществе.

Особую роль в этом контексте необходимо придать русской крестьянской общине, которая сформировала соборную личность, ориентированную на совместную деятельность в трудных условиях существования по принципу «один за всех, все за одного», что обеспечивало выживание населения в ситуации сурового климата и рискованного земледелия. Попытки уничтожить общину как препятствие развитию капитализма в деревне в имперский период не увенчались успехом. В совет-

ские годы общинная психология была использована в коллективизации сельского хозяйства и устройства многих сторон жизни страны Советов.

Из православной веры, соборности и общинности происходила идея социальной справедливости в отношениях между отдельными людьми и социокультурными стратами. На разных этапах цивилизации эти отношения или частично совпадали, или диаметрально расходились, но закон, как юридическое выражение справедливости, чаще всего был подчинен сознанию большинства населения, которое старалось жить по правде. Принципы социальной справедливости истолковывались в России из коллективных интересов, а не индивидуалистических. В этом кардинальное отличие от протестантизма, на основе которого формировался капитализм.

В советскую эпоху идея социальной справедливости получила дальнейшее развитие и вылились в постулаты «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», но они часто нарушались, хотя и сыграли важную роль в достижениях нового строя. В годы распада СССР и либеральных реформ они были утрачены, что сильно лихорадит Российскую цивилизацию в наши дни.

Экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм Российской цивилизации исходил из миссионизма православия, а позднее из коммунистической доктрины и проявлялся на разных этапах в различных формах. Так происходило во время христианизации вновь присоединяемых территорий, в многочисленных войнах и дипломатических демаршах имперской и советской эпох. Разница в том, что в досоветский период упор делался на православие и русскую культуру, а в советский — на идеи социализма и коммунизма, которые после II Мировой войны оказывали влияние на треть человечества. С развалом Советского Союза миссионизм и экспансионизм потеряли значение.

Неравномерный, мобилизационный тип развития сопровождал практически все этапы развития Российской цивилизации, что объясняется систематическим сосредоточением усилий на отпор многочисленным нашествиям и отдаленностью от передовых центров культуры, генерирующих новации, которые периодически приходилось перенимать, мобилизуя все наличные ресурсы.

По данным, приведенным И. А. Ильиным с 800 по 1237 гг. Русь должна была отражать военное нападение каждые четыре года. Затем последовало самое страшное татаро-монгольское нашествие (1237–1241 гг.), а после него Россия терпела вторжения почти ежегодно то с Востока, то с Запада. За 525 лет (1368–1893 гг.), она воевала 329 лет,

т. е. на каждые три года приходилось два года войны и один мира.³⁰ А в XX в. пришлось выдержать две мировые войны и проиграть третью — холодную, не считая многочисленных локальные столкновения. При этом цивилизация не знала династических и религиозных войн.

Новации она перенимала и с Запада, и с Востока. Среди них на первом месте стояли военные, от которых зависело независимое существование государства. Наиболее впечатляюще инновационные преобразования Петра I и Сталина, потребовавшие неимоверных усилий народа. Чего стоило создание в XVIII в. в таежной глуши Урала современного по тому времени металлургического комплекса мирового значения, или в середине XX в. мощного ракетно-ядерного щита для защиты Отечества в условиях атомного противостояния Атлантической и Российской цивилизации.³¹ Об иностранных диффузиях в Россию написано много и нам не стоит повторяться.³²

Специфические черты характера народа — от доверчивости и покорности к бунту и вольности, от великого трудолюбия к неритмичности трудовых усилий и др. Об этом написано достаточно много. Не стоит возвращаться к подробностям, но необходимо хотя бы выделить главные черты. Судьба народа и его характера находится в непосредственной связи с природно-климатическими и историческими условиями существования. Как указывалось выше, природа и история не баловали россиян. Природное раздолье и суровость климата, бесконечные войны за национальную независимость, закаляли тело и душу. «Национальный характер русского, — отмечал И. А. Ильин, — возник из терпения, а это такой способ утверждения стойкости, подобно которому не найти во всей человеческой истории».³³ Стойкость сочетается с православным смирением и неизменным стремлением к справедливости. Однако, когда справедливость долго и грубо попиралась, терпение и смирение кончались, начинался суровый русский бунт, который трудно было остановить.

В связи с трудными природно-климатическими условиями — кратким теплым летним периодом и суровой продолжительной зимой вырабаталась неритмичность трудовых усилий сначала по сезонам, а затем

³⁰ Ильин И. А. Указ. соч. С. 477, 478.

³¹ Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008; История советского атомного проекта. М., 1997.

³² См.: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.) М., 2007; Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Т. I, II. Екатеринбург, 2009, 2010.

³³ Ильин И. А. Указ. соч. С. 398, 399.

в более широком временном диапазоне. Такая специфика накладывала отпечаток на многие стороны деятельности народа и его конкретных представителей. В советских условиях эта черта приобрела гипертрофированный характер штурмовщины в выполнении плановых заданий, реализации пятилетних планов, сообразительности к революционным датам, что пагубно сказывалось на качестве продукции и ее стоимости. В данном контексте нельзя не упомянуть творческую импровизацию в последнюю минуту, а также разные русские «авось» да «небось».

Широко известны русские размах и добродушие, сердечность, стремление к согласию и покою, надежность, бескорыстная помощь в трудных обстоятельствах. Вместе с тем есть, с нашей точки зрения, и такая негативная черта, как самозабвение, что редко встречается у других народов. Терпеливо неся бремя авторитаризма, русский народ, сбрасывая с пьедестала очередного вершителя своей судьбы, начинал его отчаянно критиковать и вычеркивать из истории. При этом перечеркивалась целая эпоха жизни народной со всеми ее победами и поражениями. А затем все начиналось с начала. Наиболее типичные примеры — Николай II и Сталин. Это самозабвение не приносит авторитета Отечеству и оказывает пагубное воздействие на молодое поколение.

О «загадочности» русской души написано столь много, что здесь невозможно воспроизвести и малой толики. Обратимся к самым последним публикациям, которые, с нашей точки зрения, наиболее емко и объективно отражают ее суть. Само понятие было сформировано французским дипломатом виконтом де Вогюэ в конце XIX в. Он писал: «Это котел, в котором смешаны самые разные ингредиенты: печаль и безумства, героизм и слабость, мистика и здравомыслие, и вы можете отсюда выудить все, что угодно, даже то, чего совсем не ожидаете».³⁴ Его соотечественник, выдающийся славист, участник русской революции Пьер Паскаль, рассуждая о русском духовном единении, пришел к выводу, что оно «образовано тремя характерными чертами, которые так прекрасно согласуются: солидарность (коллективизм) — неопределенность (нерешительность) — максимализм (стремление к абсолюту)».³⁵ Раскрывая этот вывод, он заявлял, что «русский народ демократичен», «Петр Великий навязал ему иноземный порядок, который мог длиться веками, но оставил нетронутой прежнюю душу», «он предается бессознательному» чувству сострадания и чувству справедливости.

³⁴ Данилюва О. Представители французской военной миссии на Урале: попытки понять «русскую душу» // «Французский след» на Урале. Екатеринбург, 2010. С. 135.

³⁵ Там же. С. 137.

«Он самый христианский из всех», поэтому-то его так и соблазняют социалистические принципы».³⁶

2. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

По поводу этапов развития Российской цивилизации существует широкий разброс мнений. Некоторые современные авторы вслед за Н. А. Бердяевым пытаются разделить единую цивилизацию на несколько субцивилизаций: киевскую, «ордынскую», московскую, петербургскую, советскую и постсоветскую.³⁷ Такой подход требует уточнения. Во-первых, Бердяев в данном контексте не употреблял слова «субцивилизация». В книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал о пяти разных Россиях,³⁸ то есть речь идет об определенных периодах одной и той же цивилизации, а не о субцивилизациях. Во-вторых, если признавать существование самостоятельной Российской цивилизации, то как можно разделить между так называемыми субцивилизациями единое географическое, геостратегическое, этническое, культурное и ментальное пространство.

Конечно, сохраняя свою генетическую природу, Российская цивилизация менялась во времени в зависимости от разных обстоятельств, но решающую роль играли мировые трансформации, в частности переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, что повлияло на ее генотип. Это влияние было мало заметно в традиционном обществе, но получило огромное ускорение в индустриальном. В России традиционное общество, ассоциируется с начальными этапами ее существования и получило завершенную форму в период империи, а индустриальное наиболее полно проявилось в XX в., то есть в советскую эпоху. Поэтому дальнейшее изложение целесообразно вести в двух ракурсах — имперском и советском.

Имперское развитие

К концу XVII в. российское традиционное общество подошло к финалу своего развития, но его финиш отодвинулся на два столетия.

³⁶ Там же. С. 138, 139.

³⁷ Флиер А. Цивилизация и субцивилизации России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 70–83; Суворов Д. В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России: Автореф. дисс. канд. культурологи. Екатеринбург, 2006. С. 8.

³⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

«Он самый христианский из всех», поэтому-то его так и соблазняют социалистические принципы».³⁶

2. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

По поводу этапов развития Российской цивилизации существует широкий разброс мнений. Некоторые современные авторы вслед за Н. А. Бердяевым пытаются разделить единую цивилизацию на несколько субцивилизаций: киевскую, «ордынскую», московскую, петербургскую, советскую и постсоветскую.³⁷ Такой подход требует уточнения. Во-первых, Бердяев в данном контексте не употреблял слова «субцивилизация». В книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он писал о пяти разных Россиях,³⁸ то есть речь идет об определенных периодах одной и той же цивилизации, а не о субцивилизациях. Во-вторых, если признавать существование самостоятельной Российской цивилизации, то как можно разделить между так называемыми субцивилизациями единое географическое, геостратегическое, этническое, культурное и ментальное пространство.

Конечно, сохраняя свою генетическую природу, Российская цивилизация менялась во времени в зависимости от разных обстоятельств, но решающую роль играли мировые трансформации, в частности переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, что повлияло на ее генотип. Это влияние было мало заметно в традиционном обществе, но получило огромное ускорение в индустриальном. В России традиционное общество, ассоциируется с начальными этапами ее существования и получило завершенную форму в период империи, а индустриальное наиболее полно проявилось в XX в., то есть в советскую эпоху. Поэтому дальнейшее изложение целесообразно вести в двух ракурсах — имперском и советском.

Имперское развитие

К концу XVII в. российское традиционное общество подошло к финалу своего развития, но его финиш отодвинулся на два столетия.

³⁶ Там же. С. 138, 139.

³⁷ Флиер А. Цивилизация и субцивилизации России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 70–83; Суворов Д. В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России: Автореф. дисс. канд. культурологи. Екатеринбург, 2006. С. 8.

³⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

В начале XVIII в. под скипетром Петра Великого начались кардинальные преобразования. Он раздвинул границы цивилизации, обеспечил ее выход к морю, что привело к потоку европейских инноваций и началу модернизации — переходу от традиционного аграрного к индустриальному обществу, заметно изменило облик Московского царства, которое приобрело имперский статус. Широко известные реформы Петра скорректировали политическое и административное устройство страны, экономику и культуру, взаимоотношения с церковью. Цивилизация повернулась лицом к Западу, но со смертью Петра инновационная активность заметно снизилась, что затормозило модернизацию. Империя еще долго оставалась традиционным обществом со всеми его пережитками, прежде всего с крепостным правом.

Большую роль в жизни северной цивилизации играла крестьянская община, руководствуясь постулатом: «Земля — Божия, люди — царевы». Она сформировала соборную личность, ориентированную на совместную деятельность в трудных условиях существования по принципу «один за всех, все за одного», что обеспечивало выживание населения в ситуации рискованного земледелия и ничтожной механизации производственных процессов. Попытки уничтожить общину как препятствие развитию капитализма в деревне не увенчались успехом, а привели к росту протестных настроений на селе и возвращению в общину большей части крестьян после падения самодержавия в 1917 г. В дальнейшем общинная психология была использована большевиками в коллективизации сельского хозяйства и устройства многих сторон общественной жизни страны Советов.

После отмены крепостного права в 1861 г. и буржуазных реформ 1860–1870-х гг., которые сняли крупные препятствия на пути модернизации России, ее индустриальный прогресс ускорился. В 1870–1913 гг. промышленное производство возрастало в среднем на 5% в год быстрее других стран Европы.³⁹ Даже потребность в машинах и оборудовании в начале XX в. на одну треть обеспечивалась за счет отечественного производства. В 1913 г. более половины электрических машин и электрооборудования в стране было собственного производства. Быстро развивалось транспортное машиностроение, осваивалось производство автомобилей и самолетов. Правительственные расходы на начальное образование с 1896 по 1900 гг. увеличились в два раза, еще в 2 раза — с 1901–1907 гг. и в 4 раза с 1907 по 1914 гг. На высоком уровне находилось среднее (гимназическое) и высшее инженерное образование.⁴⁰

³⁹ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 38.

⁴⁰ Там же. С. 39.

Тогда же на просторах великой империи активизировалось развитие капитализма, порожденного Западной цивилизацией, что заметно корректировало ее цивилизационный уклад, однако данный процесс затруднялся невысоким уровнем совокупного прибавочного продукта, получаемого главным образом в сельском хозяйстве с рискованным земледелием во многих регионах, не говоря уже о гигантских транспортных затратах на огромной территории страны. Это препятствовало первоначальному капиталистическому накоплению для развития промышленности, чем в значительной степени объясняется отставание России от Западной Европы в переходе от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу. Стремясь преодолеть отставание, власть пыталась изъять у населения не только прибавочный, но и часть необходимого продукта, что вело к протестным настроениям, а в конце концов — к революции начала XX в., чего раньше, в отличие от западной цивилизации, не наблюдалось в Российской истории и явилось пусковым механизмом для ее кардинальной трансформации.

Генетически Россия на протяжении многих веков формировалась из многочисленных земель и народов, занимая огромное пространство Северной Евразии. Одни входили добровольно, другие завоевывались, но, в конечном счете, они переплавились в единую цивилизацию. Ее наибольшее расширение произошло во время великих географических открытий, но, в отличие от западных государств, завоевавших колонии, Россия могла обеспечивать свою модернизацию только за счет богатых внутренних ресурсов своей внутренней территории.

Формы и методы этих сложных многовековых усилий были разнообразны. В кратком тексте их трудно проанализировать все, хотя часть из них не потеряла своей значимости до наших дней. Прежде всего, необходимо обратить внимание на дифференцированный подход к решению национальных проблем в центре и на задворках великой империи. К началу XX в. окраины России (Финляндия, Царство Польское, Кавказ, Туркестанский край, Уральская и Тургайская области, Сибирь и др.) имели систему управления на особых началах, отличных от тех, на основании которых было организовано управление в коренных русских губерниях. В Сибири в первой половине XIX в. были учреждены генерал-губернаторства. Их руководители назначались царем и имели очень широкие полномочия, свидетельствовавшие о значительной децентрализации власти, но не в ущерб интересам государства. Оптимальной была ситуация, когда министр центрального правительства представлял интересы страны, а генерал-губернатор — интересы края.

В результате взвешенной национальной политики в России вплоть до начала XX в., в основном сохранялась стабильность, за исключением волнений в Польше и на Северном Кавказе. Даже оппозиционно настроенные силы не поднимали региональные проблемы. Более того, один из радикальных противников самодержавия, декабрист П. Пестель, характеризуя будущее политическое устройство государства, писал: «Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но и совсем различными языками говорят... и потому ежели сию разнородность еще более усилить через федеральное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся.⁴¹ Он отстаивал принцип деления империи на областной, а не национальной основе.⁴²

Необходимость обеспечения безопасности страны, имперские амбиции требовали ускоренной индустриализации для создания надежной оборонной промышленности, но времени для накопления необходимых капиталов не было. Ограниченная платежеспособность населения слабо способствовала тому. К этому времени передовые страны Европы и США вошли в мировую индустриальную цивилизацию, а Россия в основе своей, несмотря на петровский импульс модернизации, оставалась традиционным обществом. В этом принципиальное отличие ее истории и главная причина трагедий. Накопившиеся издержки российской имперской индустриализации, несовместимые с задачами подлинной модернизации, до крайности обострились в годы I Мировой войны, когда борьба за ресурсы и рынки сбыта привела к переделу мира.

Великая держава поняла стала добычей своих более успешных соперниц, а затем взорвалась изнутри очередной смутой. Если предшествующие смуты были обычным явлением традиционного общества, то эта носила межцивилизационный характер, что и продемонстрировали I Мировая война, а также последующая за ней Российская революция, которая едва не переросла в мировую. С учетом развала Австро-Венгерской, Османской империй и других стран преимущественно аграрной ориентации можно говорить о столкновении доиндустриальной и индустриальной цивилизаций в начале XX в., а не в его конце, как это делает С. Хантингтон.

⁴¹ Восстание декабристов. Документы. М.; Л., 1958. Т. 7. С. 9–75.

⁴² Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеев, К. И. Зубков, И. В. Побережников. М., 2007. С. 456, 457.

Советские трансформации

XX век характеризовался гигантскими мировыми трансформациями: геополитическими, научно-техническими, экологическими, социально-экономическими, культурологическими, ментальными и др., которые оказали огромное влияние на человечество. Во-первых, завершилось формирование мировой индустриальной цивилизации. Во-вторых, кардинально изменились локальные цивилизации. Главную роль в этом сыграла, как и ранее технологическая, на этот раз научно-техническая революция, которая в отличие от марксистского революционного локомотива истории оказалась главным двигателем прогресса со всеми его позитивами и негативами.

Являясь фактически цивилизационной революцией, она породила серию социально-политических революций в разных уголках планеты. К их числу относится Российская революция начала XX в., которая с нашей точки зрения оказалась перманентной, потому что сразу не смогла решить задач, стоявших перед ней. Ее курс на мировую пролетарскую революцию вскоре провалился, а построить социализм в одной отдельно взятой стране не удалось. Мировые войны и революции прошли гигантским катком по Российской цивилизации и поставили ее на грань выживания. И не только потому, что погибли миллионы людей, рушились экономика, культура, экология, весь уклад жизни, но и потому, что в это время на смену мировой земледельческой цивилизации пришла новая — индустриальная. Именно с этих позиций необходимо рассматривать трансформацию Российской цивилизации в XX в. Конечно, Русская революция начала XX в. и социалистический эксперимент в Советском Союзе оказали большое влияние на ход истории, но социализм в СССР не состоялся, а совершилась модернизация — переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. Однако мир уже вступал в постиндустриальную эпоху. Попытки встроиться в него на пути либеральных реформ испытывают большие трудности. Поиск новой идентичности продолжается. Такая ситуация имела принципиальное значение для трансформации Российской цивилизации в XX в.

Русская революция начала двадцатого столетия, I Мировая и гражданская войны едва не привели к краху Российской цивилизации. От нее откололись Царство Польское, Великое княжество Финляндское, заявили о суверенитете многие регионы Кавказа, Средней Азии и Сибири. Цивилизация чуть не распалась на ряд самостоятельных анклавов, которые могли стать добычей могущественных государств той эпохи. Погибла трехсотлетняя династия Романовых, а вместе с ней

многовековая вертикаль власти и традиционная элита общества, которая была уничтожена в огне гражданской войны или эмигрировала за границу. Национализация индустриальной сферы и коллективизация сельского хозяйства, разрушили веками складывавшиеся социальные отношения, нарушили право собственности и заинтересованность в производительном труде, что лихорадило цивилизацию на протяжении всего XX в. Огромный урон понесли экономика и культура, благосостояние народа.

Для выхода из беспрецедентно тяжелого положения принимались противоречивые меры. С одной стороны, за счет демократизации политического режима, а с другой стороны путем его невиданного ужесточения. 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена Республикой, на местах создавались органы буржуазного Временного правительства, но это не спасло ситуацию. На смену либеральной демократии пришла большевистская диктатура, которая ценой огромных жертв восстановила управляемость державы и ее целостность, кардинально изменила экономический базис цивилизации, но это потребовало гигантских усилий и принесло неисчислимые бедствия народу, поскольку исходный уровень социально-экономического развития был очень низок.

Экономическая трансформация

Российская цивилизация вступила в XX в. с преимущественно аграрным характером экономики, 85% населения составляли крестьяне. В 1913 г. промышленность давала только 20% национального дохода, в то время как в Великобритании и Германии на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 44,7%. К 1914 г. лишь 14,6% населения Российской империи составляли горожане, только 22% были заняты вне аграрного сектора. Отставала Россия и по абсолютным объемам промышленного производства. По стали отставание от Германии составляло 4 раза, от Великобритании 1,8 раза.⁴³ К началу XX в. лишь 2% населения России (дворянство и духовенство) достигли почти полной грамотности. Остальные сословия по степени грамотности находились на уровне Западной цивилизации XVII в.⁴⁴ В общей сложности ко времени I Мировой войны Российская цивилизация отставала от Западной цивилизации по основным показателям развития в среднем на 100 лет.⁴⁵ Таков был итог вековой стагнации традиционного общества. В этих условиях модернизация столкнулась с невероятными трудностями.

⁴³ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 40.

⁴⁴ Миронов Б. Н. Историческая социология России. СПб., 2009. С. 452.

⁴⁵ Там же. С. 463.

В чем их причины? Недостатка в объяснении нет, но не со всеми легко согласиться. Больше всего обвинений сыплется на царизм, который, безусловно, виноват, что априори понятно, поскольку он являлся главным атрибутом традиционного общества и защищал его интересы, проводил модернизацию не ради замены феодального строя, а ради его укрепления. Но почему ни Государственная Дума, ни Временное правительство после его падения даже не начали менять ситуацию? Видимо потому, что в стране не существовало достаточно мощной социально-политической силы, которая могла бы подтолкнуть к этому, не было крупного, как на Западе, актора модернизационного процесса.

Вступая в XX в., Российская цивилизация не только не располагала необходимой индустриальной базой, но и не имела конкретной программы действий в этом направлении. Затянувшиеся споры западников и славянофилов вращались преимущественно вокруг общественно-политических и культурологических проблем, практически не касаясь технологических новаций. Продолжатели спора — народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализма, не видели особых перспектив для крупной промышленности в России. Их противники — социал-демократы признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму формирования рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму. Официальная самодержавная власть не препятствовала развитию промышленности, но и не ставила ее в основу экономики. В итоге страна обрекалась на дальнейшее отставание от индустриальной цивилизации, что ставило под вопрос ее независимость.

После поражения в мировой войне, крушения в ходе революции и гражданской войны экономики страны перед новой властью встал вопрос: что делать дальше? Сложность его решения заключалась в том, что, с одной стороны, большевики уничтожили феодальные пережитки, тормозившие модернизационный переход, а, с другой, отвергли лежащий в основе индустриальной цивилизации капиталистический уклад. Ратуя за социализм, они не отдавали себе отчет в том, что отсталая страна к нему не готова, но и звать назад к капитализму тоже не могли. Поэтому был взят курс на мировую пролетарскую революцию, который вскоре провалился.

Тогда в их среде развернулись острейшие дискуссии о том, как из аграрной цивилизации сделать индустриальную и тем самым преодолеть ее отсталость, закрепить новый режим, защитить его от посягательств извне. В ходе идейных баталий и последующих репрессий погибли тысячи партийных лидеров разного уровня и миллионы ни в чем

не повинных беспартийных граждан. Победила линия на ускоренную модернизацию, которая при всех народных бедствиях отвечала насущным интересам государства и на три четверти века стала генеральной стратегией новой России. В отличие от капиталистической советская модернизация проводилась под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом. На основе мобилизации всех материальных и духовных ресурсов нации, чрезвычайных мерах по достижению поставленных целей, не считаясь с тяжелейшими условиями существования народа, разорения деревни ради первоначального накопления капитала для индустриального развития, страна добилась впечатляющих успехов на пути достижения индустриальной цивилизации.

Главным результатом стал переход от традиционного аграрного к современному по тому времени индустриальному обществу. Уже к 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции СССР. Если в 1928 г. рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, то в 1939 г. — 50,2%.⁴⁶ Модернизация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. В 1926 г. в городах проживало 18% населения, к 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929–1940 гг. среднегодовая численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 36%. В 1960 г. произошло выравнивание численности городского и сельского населения. К концу века по сравнению с его началом доля населения, занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%.

Все это свидетельствует о крупных шагах на пути модернизации России, переходе от традиционного общества к индустриальной цивилизации. Такой прорыв необходимо оценить по достоинству, поскольку он имел принципиальное, судьбоносное, историческое значение в годы II Мировой войны, когда фашистская Германия, опираясь на завоеванный потенциал чуть ли не всей Западной цивилизации, пыталась уничтожить Российскую цивилизацию, но она вышла победителем в этой самой кровопролитной войне в истории человечества. Более того, отвоевала ряд территорий, потерянных в I Мировой войне, спасла от фашистского порабощения многие страны Европы и способствовала освобождению из-под колониального гнета народов Азии, что очень сильно укрепило ее международный авторитет.

В дальнейшем успехи индустриализации привели в тому, что после II Мировой СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США),

⁴⁶ История советского рабочего класса. М., 1987. Т. 2. С. 199, 426, 427.

способных производить любой вид промышленной продукции, доступной в данное время человечеству, не говоря уже об удовлетворении повседневных нужд экономики. Тем самым было преодолено стадийное отставание Российской цивилизации от Западной. Земледельческий характер цивилизации поменялся на индустриальный, сельский образ жизни — на городской. Россия встроилась в мировую индустриальную цивилизацию. В 1960 г. на ее долю приходилось 19,6% мирового промышленного производства.⁴⁷ Это главный результат трансформации, свидетельствующий о вхождении Российской цивилизации в современную мировую цивилизацию, а не выпадении из нее, как утверждали многие западные, да и отечественные политологи на рубеже XX–XXI вв. Будучи развитой индустриальной цивилизацией, она подходила к постиндустриальному рубежу. Важную роль в этом сыграло освоение ее окраин, прежде всего восточных, создание там мощнейших металлургических, энергетических, химических комплексов мирового уровня, а также крупных научных центров.

Достижения модернизации, создание мощного военно-промышленного комплекса не только обеспечили победу в беспрецедентной по масштабам II Мировой войне, но и позволили выдержать грандиозную гонку вооружений после ее окончания, сохранить национальную независимость. В середине 1970-х гг. Российской цивилизации удалось достичь военного паритета с Атлантической. В 1978 г. у СССР имелось 25 393 атомных заряда, а у США 24 424,⁴⁸ что в определенной степени перекрыло незащищенность естественных рубежей от посягательств извне, хотя при современных средствах доставки оружия массового поражения и не гарантировало полную безопасность. Геополитическое противостояние Российской и Атлантической цивилизаций разные ученые и политики оценивают по-разному, но бесспорно то, что Россия смогла достигнуть в нем успехов только благодаря мощному модернизационному рывку второй половины XX в., который не только укрепил ее безопасность, но и усилил экономический, культурный и идеологический экспансионизм Российской цивилизации в Европе и Азии. С созданием социалистического лагеря, укреплением социально-экономической и военной мощи СССР превратился в супердержаву, фактически Третий Рим, существовал и четвертый — США.

При всей значимости большевистской модернизации необходимо учитывать, что она погубила русскую деревню — традиционный оп-

⁴⁷ Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008. С. 273.

⁴⁸ Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.

лот национального жизнеустройства. В условиях советской власти она стала главным источником «первоначального накопления» для нужд индустриализации, а ее коллективизация создала постоянно действующий и надежный механизм перераспределения средств из сельского хозяйства в промышленность. Его вклад в национальный доход достигал 50%.⁴⁹ Коллективизация и ликвидация кулачества как класса были подпроцессами советской модернизации на селе, проводимыми в форме настоящей революции, иначе нельзя назвать кардинальную смену форм собственности. Это дает основание утверждать, что Русская революция продолжалась и после формального завершения в начале 1920-х гг. В результате разорения деревни была подорвана продовольственная безопасность цивилизации, что девальвировало успехи индустриализации.

Апогей наступил в середине 1980-х гг., когда закупка хлеба внутри страны составила лишь 50 млн т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн т.⁵⁰ Государство вынуждено было тратить огромные валютные ресурсы на обеспечение продуктами питания городского населения. Дело дошло до того, что пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники зарубежного капитала, что в конце концов привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь было много других причин, но эта стала одной из главных.

Со второй половины XX в. в индустриальной системе Российской цивилизации начали нарастать трудности, диспропорции, снижение темпов роста и эффективности производства. Главные причины заключались в догматическом, недостаточно квалифицированном подходе к экономике, которая в развитых странах переходила на новые рельсы; сбоях в советской мобилизационной и плановой системе; сырьевой направленности экономики; неэффективном использовании НТР; неспособности превращения науки в непосредственную производительную силу; сохранении оставшихся пережитков традиционного общества; торможении механизма социокультурной мотивации труда; гонке вооружений, разоряющей СССР; растрате огромных средств на поддержку ненадежных союзников.

К тому же, с конца 1960-х гг. стал нарастать кризис мировой индустриальной системы, не воспринимаемый в Российской цивилиза-

⁴⁹ Вишневский А. Серп и молот. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 51.

⁵⁰ Народное хозяйство СССР в 1960 году. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 653.

ции, хотя растущее противоречие между индустриальным развитием и окружающей средой давало о себе знать и здесь, что фактически роднило противостоящие друг другу Российскую и Атлантическую цивилизации. Если попытаться эти разнохарактерные процессы соотнести со стадиями развития индустриальной цивилизации, то получится, что к концу 1970-х гг. на долю доиндустриального и раннеиндустриального труда в СССР приходилось 35%, развитого индустриального — 52%, научно-индустриального — 15%.⁵¹ Следовательно, модернизация явно пробуксовывала. В итоге удельный вес Российской цивилизации в мировом промышленном производстве, если учитывать провальные 1990-е гг., уменьшился с 9,1% в 1900 г. до 4,4% в 2000 г.⁵² Глядя на эти цифры, испытываешь недоразумение: где же теперь находится Российская цивилизация — в доиндустриальной или уже в постиндустриальной эпохе?

Не входя в апологику индустриализма, не переоценивая и не дооценивая российскую модернизацию, приходится считаться с тем фактом, что она все-таки стала реальностью отечественной истории. Одни авторы видят в ней «имперскую модель», другие — «консервативную модель», третьи — «псевдомодернизацию», четвертые — «деархаизацию» и т. д. При всех этих экзотических наименованиях очевидно одно — Россия вступила в прошлое столетие традиционной, аграрной страной, а вышла из него индустриальной державой. Такой итог дался очень дорогой ценой и оставил много нерешенных проблем. А могло ли быть иначе? Видимо нет, учитывая природно-климатические и исторические условия. Вместе с тем, необходимо признать, что Российская цивилизация внесла крупный вклад в мировую индустриальную культуру, наследие которой в наши дни тщательно охраняется в цивилизованных странах.

Социально-политические и ментальные трансформации

Основную суть социально-политических и ментальных изменений Российской цивилизации в XX в. можно интерпретировать через трансформацию Русской идеи «всеценности, всепримиримости, всечеловечности», «грядущей возможности разрешения судеб человеческих» (по Ф. Достоевскому) в Красную идею пролетарского интернационализма, строительства социализма и коммунизма (по марксизму-ленинизму). Красная идея, с одной стороны, унаследовала миссионерский харак-

⁵¹ Красильщиков В. А. Указ. соч. С. 179.

⁵² Кузык Б. Н. Указ. соч. С. 273.

тер Русской идеи, а с другой стороны, категорически отвергала ее религиозной содержание.

В государственном плане осуществлялся переход от царского самодержавия к диктатуре пролетариата, а от нее к общенародному государству, с 1990-х гг. — к правовому государству. В социально-политическом ракурсе движение шло от буржуазно-помещичьего строя Российской империи к мировой пролетарской революции, от нее поворот к «социализму в одной стране», а затем к форсированному строительству коммунизма, что вскоре было заменено «совершенствованием развитого социализма», а в конце века произошел отказ от социализма и переход к рыночным отношениям, фактически возврат к капитализму, который трудно приживается на русской почве. Эти крутые зигзаги не могли не сказаться на устойчивости Российской цивилизации и ее народе, которому при жизни двух-трех поколений пришлось пережить кардинальные ломки своего существования. Таких скоротечных трансформаций не наблюдалось ни в одной земной цивилизации.

Не удивительно, что в такой быстротечности событий обозначенные фазы не были завершены, оставались многочисленные пережитки предшествующих этапов, в частности традиционного общества: оттолоски общины не только в деревне, но и в городе, недостаточная квалификация работников производства, слабость политической культуры, советы как вечевая (сход) форма управления, культ отца Отечества, низкий уровень человеческих потребностей и их удовлетворения и др. К числу таких негативов придется также отнести огульный подход к новациям, неумелое их сочетание с национальными традициями, неуважительное отношение к вкладу предшествующих поколений, очернение их лидеров, без оглядки на те обстоятельства, в которых они принимали конкретные решения. Отсюда вывод о том, что не стоит, очертя голову, погонять «загнанную лошадь» российской истории то капиталистическим, то социалистическим, то либеральным хлыстом. Необходимо хотя бы минимальное время для созревания новых форм бытия и разумные переходные формы к нему.

Прято считать, что кардинальная трансформация Российской цивилизации в XX в. не оставила ее традиционных доминант, но это не так. Часть из них сохранилась практически полностью: масштабы территории, климатическая специфика, трудные условия воспроизводства человеческого существования, незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, длительность существования, самобытность, оригинальность культуры и традиций, полиэтничность и многоконфессиональность, политическая самостоятельность, державность,

своеобразие форм государственного устройства, экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм, мобилизационный тип развития.

Другая часть, прежде всего основанная на христианских заповедях, наполнилась новым содержанием: справедливость — уничтожение эксплуатации человека человеком; всеединство и месснионизм — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»; нестяжательство — «каждому по труду»; «Святая Русь» — «Царство Божие на земле» — коммунизм; державность — «Союз нерушимый республик свободных, сплотила навеки Великая Русь»; «Москва – Третий Рим» – Третий Интернационал;⁵³ «За Веру, Царя и Отечество» — «За Родину, за Сталина»; «Самодержавие, православие, народность» — диктатура пролетариата, марксизм-ленинизм, «новая историческая общность — советский народ».

Выпеназванные девизы не просто символы, а реальное воплощение советской практики, выраженное новыми словами, но имеющими прежний социально-политический смысл, что подтверждает сохранение традиционных доминант цивилизации и свидетельствует о рецидивах традиционного общества. Более того, некоторые из этих девизов перекликаются с «моральным кодексом строителя коммунизма», где записано: «кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «человек человеку друг, товарищ и брат»; «непримиримость к несправедливости — стяжательству»; «дружба и братство всех народов...»; «братская солидарность с трудящимися всех стран...».⁵⁴

Следствием глобальной политической трансформации Российской цивилизации в XX в. стало резкое обострение противоречий в обществе, массовые репрессии, которые объясняются то «кроважностью большевиков», то «злостным характером тов. Сталина». Очевидно, что такое легковесное объяснение не может быть принято с позиций цивилизационного подхода к историческому процессу. Конечно, по выражению А. Тойнби «меч репрессий, отведая крови, не может усидеть в ножнах». Действительно, трудно было остановить костры инквизиции или сожжение около миллиона «ведьм» протестантами во время Реформации, когда все население реформируемой зоны Западной Европы составляло 20 млн человек.⁵⁵ А сколько голов отрубила гильотина во время Великой Французской революции XVIII в.!

⁵³ Коммунистический Интернационал (Коминтерн) «борется за установление мировой диктатуры пролетариата» (БСЭ, 1938. Т. 31. С. 715).

⁵⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1972. С. 288.

⁵⁵ Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Кн. 1. М., 2002. С. 510.

Не составила исключения и Российская революция XX в. Ее вместе с гражданской войной обычно ограничивают началом 1920-х гг., но она фактически продолжалась до конца прошлого века и неизвестно, завершилась ли в начале нынешнего. Порожденную революцией активную фазу трансформации необходимо соотнести с аналогичным процессом в Атлантической цивилизации, который проходил веком раньше. Разумеется «политическая погода» в мире и нравственные установки теперь другие, но проблемы-то остались теми же.

Отсюда острейшие противоречия в социуме, особенно в его элите по поводу путей и методов решения этих проблем, столкновение традиций и новаций, за которыми с той и другой стороны стояли миллионы людей со своими представлениями о будущем. В самой правящей партии развернулась отчаянная борьба между троцкистами и сталинистами. Первые ориентировались на «мировую пролетарскую революцию», вторые — на «строительство социализма в одной стране». При этом не стоит забывать об остатках контрреволюционных элементов, враждебном окружении накануне II Мировой войны и конечно же низком образовательном уровне и слабой политической культуре населения. Все это привело к накоплению в обществе большого «потенциала мести» и способствовало продолжительной эскалации репрессий, нанесших огромный урон народу и авторитету Российской цивилизации.

Очевидно шла борьба не только за социалистические преобразования и их различные толкования, но и за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, которая породила скрытую форму гражданской войны. Крестьянство и частично рабочие (выходцы из села) преследовались тысячами и уничтожались за отстаивание деревенского образа жизни. Интеллигенция, духовенство, часть военнослужащих карались за сопротивление варварским методам модернизации, разрушающей многовековой уклад русской жизни, а представители новой бюрократии — за недостаточное, а иногда и излишнее рвение по осуществлению карательных мер. По существу шла гражданская война всех против всех. Это была кровавая драма столкновения аграрной и индустриальной цивилизаций.

Хотя главную цель политической революции — построение социализма в конечном счете достичь не удалось, тем не менее трансформация в социальной сфере носила первопроходческий и масштабный характер. Принципиально изменилась социальная структура общества. Исчезли господствующие классы. Остались рабочие и служащие, колхозное крестьянство и прослойка интеллигенции. Особое неофициаль-

ное место заняли партийная и государственная номенклатура, к концу века — дельцы теневой экономики.

Трудность воспроизводства человеческого капитала, характерная для предшествующих этапов Российской цивилизации, компенсировалась кардинальным усовершенствованием сфер труда и быта, хотя и обходилось очень дорого при слабой эффективности советской экономики и суровых климатических условиях большинства территорий. Однако совместно с другими социальными мероприятиями советской власти это дало значительные результаты. Продолжительность жизни населения в середине XX века достигла 70 лет, в то время как в его начале составляла 32 года.

Авторитаризм власти превзошел все достижения предшествующих веков, что обеспечивало функционирование мобилизационной экономики, этническую и идеологическую устойчивость общества. Феноменальный взлет получили инновационные начала модернизации — образование и наука, которые вывели Российскую цивилизацию на мировой уровень. Ее влияние распространилось на треть человечества, в чем отчетливо проявился ее прежний миссионерский характер, который в первые годы Советской власти выразился в попытке развернуть мировую пролетарскую революцию с целью избавления трудящихся от капиталистической эксплуатации. В дальнейшем он вылился в масштабную помощь странам, освободившимся от колониальной зависимости. Если первая попытка не увенчалась успехом, то вторая сыграла огромную роль для молодых развивающихся государств.

Суровые испытания претерпели национальные отношения многочисленных народов, входящих в состав Российской цивилизации, их межэтническая толерантность. Советской властью был принят на вооружение тактически вынужденный, но стратегически опрометчивый курс на формирование федеративного государства с правом «самоопределения наций вплоть до отделения» от союзного государства. Получив широкую автономию и огромную материальную помощь, союзные республики многократно увеличили масштабы своей экономики и культуры, вырастили крупные отряды национальной интеллигенции, часть которой в условиях ухудшения экономического положения союзного государства и хаоса в нем в последние десятилетия XX в. перешла на позиции национализма и способствовала его крушению.

Для такого поворота событий были объективные и субъективные причины: неравномерность модернизационного перехода в разных республиках, связанная с различиями индустриального, социального и демографического развития, урбанизационных и культурных процес-

сов; окрепшие за годы советской власти националистические элиты; разбогатевшие дельцы теневой экономики на местах; растущее недовольство народа своим положением, особенно сферой услуг, которая находилась преимущественно в руках местной власти; предательство партийных и советских функционеров разного уровня. Ярким проявлением субъективного фактора стали поспешные непродуманные действия в национальных вопросах Президента СССР М. Горбачева, популизм Президента Российской Федерации Б. Ельцина. Необратимый развал державы начался с провозглашения суверенитета Российской Федерации. В последние год существования СССР (конец 1991 г.) в его регионах насчитывалось более 160 территориальных притязаний.⁵⁶

Главный урок решения национальных проблем XX века заключается в том, что при всем их демократизме и популизме необходимо ясно осознавать пределы допустимой самостоятельности национальных районов. При исключительно высокой полиэтничности России (130 этносов) никакое деление по национальному принципу не в состоянии удовлетворить все народы, каждый из которых может претендовать на автономию, а это ведет к обвальной дезинтеграции цивилизации. В результате права этносов входят в противоречие с правами человека, на которых зиждется общество. Преодоление такого положения возможно на путях более тщательного учета исторического опыта державы и последовательного, поэтапного введения новых государственных форм, для того, чтобы избежать фарса, подобного неудачным социалистическим преобразованиям или российского варианта либеральных реформ. Будущее Российской цивилизации, по всей видимости, за крупными культурно-региональными комплексами, которые в силу общности исторических судеб и длительного социально-экономического взаимодействия народов обладают устойчивыми этнодемографическими связями, а социально-экономические институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения, имеют сходные черты и составляют единое историко-культурное пространство, которое создает препятствие на пути деструктивных процессов в политической сфере.

Коренные перемены произошли в положении церкви. Она была отделена от государства, подверглась гонению и разорению. На смену веры в бога советская власть настойчиво навязывала веру в светлое будущее — коммунизм. Тем самым была подорвана православная основа Российской цивилизации, хотя фактически в народной толще она оставалась. Численность верующих уменьшилась, но все-таки была зна-

⁵⁶ См.: Петров Н. В. Что такое полиэтнизм? // Полис. 1993. № 6. С. 8.

чительной, а самое главное сохранились традиции православной культуры и нравственности. Даже высшее коммунистическое руководство, меняя политические лозунги, в ряде случаев практически не смогло уйти от их прежнего содержания.

Отказ от божественного смысла русской идеи не мешал большевикам подчеркивать, если не богоизбранную, то по крайней мере особую роль России в мире. Отрицая в теории богоизбранность русского царя, коммунистические лидеры на практике так возвысили свою власть, что она сравнивалась с царской.

В научных трудах и средствах массовой информации навязчиво звучит тезис о том, что Российская цивилизация в период советской власти свернула со столбовой дороги мирового прогресса. А может быть наоборот, она намечала путь будущему прогрессу. Стремление к построению социализма и коммунизма в России было не встраиванием в старую систему общественных отношений, а прорывом типа возникновения феодализма или капитализма потому, что социализм является антиподом того и другого. Несмотря на то, что коммунизм как практика преодоления критических ситуаций в обществе известен не одну тысячу лет, попытка его масштабной реализации именно в Российской цивилизации заслуживает внимания, хотя она и не увенчалась успехом в двадцатом столетии.

Советские трансформации в отличие от слабых воздействий имперского периода, кардинально изменили природу Российской цивилизации. От традиционного аграрного общества она перешла к индустриальному со всеми вытекающими отсюда политическими, культурными, социально-экономическими, даже ментальными последствиями. Она догнала Атлантическую цивилизацию по многим параметрам и включилась в мировую индустриальную цивилизацию. И тем не менее, она в основном сохранила свою природу.

Постсоветская трансформация

В конце XX в. Российскую цивилизацию поразили острейший системный кризис, порожденный, с одной стороны, кризисом советской модели социализма, а, с другой стороны, кризисом глобальной индустриальной цивилизации с ее современными пороками, прежде всего с перепотреблением. Эти причины связаны между собой, поскольку социализм и капитализм являются двумя сторонами одной медали и отражают в наши дни общий кризис индустриализма. В связи с ослаблением системы социализма, ее проигрышем в «холодной войне»

Западная цивилизация начала массированное наступление на Российскую. Настал апогей их многовековой борьбы.

Парадоксально, что подрыв основ своей цивилизации начало само ее руководство, поставив задачу «возвращения в наш общий европейский дом». А где мы были тысячу лет, разве не в нашем доме? Зачем нам двигаться туда, где нас никто не ждет? Лучше быть не квартирантами, а добрыми соседями. Лейтмотивом этой борьбы стал антикоммунизм, но и после его падения она не прекратилась, а перешла в новую, более изощренную фазу, которая с пугающей быстротой трансформирует природу Российской цивилизации не в лучшую сторону. Произошла смена политического и государственного строя, национального устройства, социально-экономической системы, управленческой элиты, образа жизни, идеологии и культуры, ценностных ориентиров, морали, нравственности. Традиционные общинные ценности трансформируются в индивидуалистические. Сократились территории и население, утрачены союзники, а некоторые из них стали наиболее агрессивными противниками. Уничтожаются не только советские завоевания, но и принципы жизнеустройства Российской цивилизации, на которых она держалась сотни лет.

Потеряны наиболее благоприятные по природным условиям территории, цивилизация еще дальше «сдвинулась» на север. Районы крайнего севера и приравненные к ним местности ныне составляют 62% ее общей площади. Там продолжительность отопительного периода достигает 350 дней в году, затраты на завоз товаров приближаются к 100% от их стоимости. Говорить о гигантских расходах на транспорт уже не приходится. В такой ситуации трудно ожидать роста эффективности экономики в рыночных условиях. За годы перестройки и либеральных реформ утеряна половина промышленного потенциала цивилизации. Дegradiрует не только культура, но даже «великий и могучий» русский язык, который засоряется далеко не всегда нужными иностранными словами и низкопробным жаргоном.

Неудержимо возрастает разрыв между богатыми и бедными. В то время как в Советском Союзе на рубеже 1970–1980 гг. децильный коэффициент был 3:1, сегодня он официально равен 15:1, а в реальности — в два раза больше.⁵⁷ Правящая элита, как и в начале XX в., далеко оторвалась от народа, хотя является, в отличие от имперской, недавним выходцем из него. Ее интересы сфокусированы на перепотребле-

⁵⁷ Будущие угрозы человечеству и России. Материалы постоянно действующего научного семинара «Россия в историческом и мировом пространстве». М., 2009. С. 104.

нии природных богатств Отечества и вывоза полученных прибылей за рубеж, что ставит и без того ослабленную экономику цивилизации в катастрофическое положение.

Конечно, Российская цивилизация нуждалась в обретении современных реалий, но для этого не стоило менять ее на заморский образец. Ведь она не раз сама справлялась с вызовами времени. Да и опыт трансформации других цивилизаций, таких как Китайская, Индийская, Японская свидетельствуют о том же. Антисоциалистическая революция в СССР на рубеже 1980–1990-х гг. с одной стороны, была кульминацией противостояния между сторонниками и противниками социалистического переустройства общества внутри страны, а, с другой, результатом внешнего воздействия «холодной войны». В ходе либеральных реформ, последовавших за ней, разрушалась советская система, которая несла остатки природы Российской цивилизации. Новая система, ее «цивилизационный плюрализм», представляющие собой гибрид советского, постсоветского, а также западного, ведет к мутации тысячелетней цивилизации.

Попытки противостояния этой мутации со стороны вновь набирающей авторитет православной церкви пока дают недостаточные результаты, хотя ее постулаты направлены против развращающих тенденций современной Западной цивилизации. По мнению российского философа православной ориентации А. С. Панарина «Постсоветская Россия сбросила с себя гири раздутого военно-промышленного комплекса, и дорогостоящие обязательства в качестве военно-политического лидера и кредитора стран «некапиталистического пути развития», и роль донора бывших союзных республик. И что же? Вместо ожидаемого облегчения жизни произошло невиданное ее утяжеление и помрачение — стремительное скольжение на дно».⁵⁸ Повторился старый русский парадокс: «Сказанное вчера считалось дурным завтра и создавалось сегодня то, что было уничтожено вчера».

Рассмотренная совокупность и взаимосвязь признаков Российской цивилизации свидетельствуют о ее принадлежности к числу локальных цивилизаций планеты, доказывает самобытность, самостоятельность цивилизационного статуса и его отличие от подобных сообществ в мировой истории, в частности от Западной цивилизации. В то время как последняя базировалась на западно-римской культуре, восходящей к европейской античности, Российская же — на византийской, т. е. восточной, но ту и другую объединяло христианство. Для

⁵⁸ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002. С. 263.

Западной цивилизации характерны демократия, либерализм, личный успех, превалирование материальных ценностей над духовными. Для Российской цивилизации наоборот — авторитарная власть, специфическая государственность, необходимая для управления многонациональной и многоконфессиональной общностью, живущей на огромном пространстве с нелегкими природно-климатическими условиями, склонностью к подчинению индивида коллективу, общинностью, социальной справедливостью, нестяжательством, патернализмом, мистицизмом, превышением духовных ценностей над материальными, а государственных интересов над личными выгодами. Природа Российской цивилизации претерпела некоторые изменения в веках, а ее принципиальная трансформация произошла в двадцатом столетии.

Российская цивилизация особенная. В ней не было в классическом понимании ни рабовладения, ни феодализма, ни капитализма, родился, но не завершился социализм. Она не знала инквизиции, преследования иноверных, гонения на еретиков, религиозных войн. Эта цивилизация стала непреодолимым препятствием на пути к мировому господству для Чингисхана и Тамерлана, Наполеона и Гитлера. Она первая преодолела земное притяжение и вышла в космос, но не могла обеспечить достойное существование своих граждан.

Несмотря на гигантские катаклизмы XX в., она в основном сохранила свою природу. По-прежнему остаются огромные размеры территории, хотя они и претерпели некоторое уменьшение после I Мировой войны и значительное их возвращение после II Мировой войны. В 1990-е гг. в ходе распада СССР из него вышли 14 союзных республик, что заметно сократило территорию цивилизации, но она до сих пор остается одной из самых крупных в мире. Вследствие потери южных территорий увеличился удельный вес регионов, тяготеющих к Северу, сократились возможности выхода к морю. Осталась незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, тем более, что значительная протяженность границ после выхода союзных республик оказалась менее охраняемой. Усиление военной мощи, особенно после создания ракетно-ядерного щита, сделало цивилизацию менее уязвимой, но не вполне гарантированной от нападения в условиях современного международного положения.

Сохранились политическая самостоятельность и жесткость вертикали власти, хотя они подвергаются эрозии под воздействием либерализма и глобализма. Своеобразие форм государственного и социального развития, полиэтничность и многоконфессиональность, самобытность и оригинальность культуры остаются, хотя толерантность отношений

между этносами и конфессиями после распада СССР колебалась, а культура подверглась разрушительному воздействию со стороны Запада.

Принципиальному изменению и деградации подвергся изначально земледельческий характер экономики. Она стала преимущественно индустриальной и зависимой от зарубежных поставок продовольствия. Трудные условия воспроизводства человеческого существования по причине суровости климата на большой территории цивилизации, частой сменой форм собственности, многочисленных финансовых потрясений и отставания технического прогресса сохранились, но заметно уменьшились по сравнению с предшествующими веками. Не удалось добиться социальной справедливости. Цивилизация не ушла от мобилизационного типа прогресса. К началу XXI в. потеряла экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм.

Сложные метаморфозы произошли с православием как консолидирующей основой цивилизации. В начале XX в. церковь была отделена от государства и подверглась суровому преследованию, потеряла возможность легально влиять на общество и власть, но религиозность народа не была утрачена, он сохранил свою веру, которая восстановлена в правах после падения коммунистического режима и способствует сохранению цивилизации.

А что с мессианизмом? Много веков он проявлялся в несении Святой веры не только народом России, но и зарубежья. После революции его суть была подменена коммунистическим идеалом, который овладел почти третью человечества, но потерял свою привлекательность с крахом Советского Союза. Теперь будущее Российской цивилизации в современном мире трудно предсказуемо.

3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ КАК РОССИЙСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФЕНОМЕН

В современной историографии имеется широкий спектр объяснений особенностей исторического развития России в XX столетии. Он уместается между двумя крайними точками зрения. Согласно первой, установление советской власти и утверждение строя «реального социализма» прервало естественную «связь времен». Это была «экстраординарная авантюра», призванная реализовать марксистскую мечту о «рае на земле». И ничего кроме «брутально-жестких» коллизий народам страны она не принесла.⁹⁹ Другой крайний вариант сводится к обос-

⁹⁹ См.: Малина М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917–1991. М., 2002. С. 23.

ГЛАВА V. ЭВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Эволюция чаще всего генерирует реформы, которые есть «направленное, радикальное, фронтальное, всеохватывающее переустройство (планируемая модель такового), предполагающее изменение порядка сущного функционирования социальных институтов, переход их в принципиально иные фазовые состояния».¹ А «революция — коренной, фронтальный тип трансформации, предполагающий смену форм социальности в результате кризиса».²

Модернизация осуществляется как эволюционным, так и революционным путем, хотя сама по себе является революционным феноменом, ведущим к кардинальной трансформации общества. Она зародилась в западной Европе XV–XVI вв. на эндогенной основе, носящей несомненно эволюционный характер. Этот этап в западной литературе называют протоиндустриализацией, под которой понимается мелкое товарное производство продуктов внутри сельских домохозяйств, которые продавались в ранний современный период на местных и отдаленных рынках. Такой процесс генерировался демографическим давлением, когда крестьянам не хватало земли, и сельское хозяйство уже не являлось для них единственным источником доходов. В этих условиях росла рабочая сила, отличная от традиционно крестьянской, готовящаяся к грядущей индустриализации. Кроме того, протоиндустриализация способствовала накоплению капитала для будущих инвестиций в собственно промышленность и стимулировала интеграцию разрозненных рынков. На более отстраненном уровне протоиндустриализация может рассматриваться как переходная фаза от феодального к капиталистическому обществу. В итоге она готовила основу для будущей индустриализации.

Такой процесс продолжался довольно долго. Накануне Французской революции 1789 г. мир был преимущественно сельским. В России, Скандинавии, в Балканских государствах около 90–97% населения составляли сельские жители. Даже в более развитых на долю сельского населения приходилось до 80–90%. Во многих государствах продолжало существовать крепостное право. К числу крупных городов можно

¹ Ильин В. В. Философия. Т. Социальная философия. Философская антропология. Аксиология. Философия истории. Р.-н/Д., 2006. С. 222.

² Там же. С. 223.

было отнести только Лондон и Париж, средних — 20 и множество провинциальных городков, тесно связанных с сельским хозяйством. В промышленности преобладали полукустарные предприятия. Грамотность населения находилась на низком уровне, а его менталитет представлял типичный образец традиционного общества. Так продолжалось до «двойственной революции» — французской 1789 г., и происходившей одновременно с ней британской промышленной революции.³

Эта революция смела в Европе главные атрибуты традиционного общества — абсолютизм и крепостное право, открыв простор набравшей темпы капиталистической модернизации, которая породила принципиально новую экономику, демографию и международные отношения, право, технику и культуру. Самое существенное — впервые в истории человечества наступил самообеспечивающийся рост производительных сил общества, что является одним из главных признаков модернизационного перехода. Следовательно, революционное значение такой трансформации очевидно.

В данной связи встает очень непростой вопрос, что первично, а что вторично во взаимодействии революции и технического прогресса. Думается, что первичен технический прогресс, который подталкивает общество к новому социальному качеству, а революция открывает ему дорогу и закрепляет его достижения до очередной технологической трансформации. Яркий пример тому — паровой двигатель, сменившийся электрическим. По меткому замечанию английского исследователя Э. Хобсбаума: «перед паровыми двигателями, кораблями и пушками Запада, и его идеями отступали и рассыпались в прах вековые цивилизации и империи».⁴

А как же складывалась в таких условиях судьба Российской цивилизации, ее реформ? «История России со времен Петра Первого, — писал М. М. Сперанский, — представляет непрерывное почти колебание правительства от одного плана к другому. Сие непостоянство или, лучше сказать, недостаток твердых начал был причиною, что доселе образ нашего правления не имеет никакого определенного вида, и многие учреждения, в самих себе производные, почти столь же скоро разрушались, как возникали».⁵ С тех пор, почти за два века, ситуация мало изменилась.

В частности, нет однозначного ответа о судьбе российской модернизации. Условно говоря, по этому поводу борются две противо-

³ Хобсбаум Эрик. Век революции. Европа 1789–1848. Р.-н/Д., 1999. С. 6, 20.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; JL, 1961. С. 17.

положные точки зрения. Одни авторы стараются доказать, что Россия прошла стадию модернизации, но не завершила ее до конца. При этом подчеркивается, что она имела судьбоносное значение для Отечества. Другие считают, что она не состоялась, не принесла пользы державе, а все потому, что была не либеральной.

С нашей точки зрения для прояснения вопроса необходимо тщательно изучить, сопоставить эволюционный и революционный пути ее развития. Эволюционный путь очень трудно прослеживается по источникам и не раскрыт в историографии. Имеется огромное количество литературы по имперской истории России, но в ней редко обращается внимание на зарождение модернизационных процессов. Революционный, советский этап модернизации или приукрашивается, или наоборот очерняется в связи с критикой сталинизма. Поэтому задача заключается в том, чтобы без предвзятости, объективно оценить тот и другой путь, выявить общее и особенное, проследить их взаимодействие, оценить значимость для Российской цивилизации.

Россия вступила на модернизационный путь двумя веками позднее Западной Европы и прошла три главных этапа соответственно с их инициаторами: Петром I, Александром II, Сталиным. Задачи, формы, методы и результаты этих этапов были разными. Нас интересуют основополагающие составляющие — эволюционная и революционная, их соотношение. Предстоит определить значение реформ и революций, их взаимодействие. При этом не ставится задача рассмотрения всех революционных и реформистских движений, а только тех, которые имеют прямое отношение к модернизации Российской цивилизации. Кроме того, в связи с огромной сложностью проблемы невозможно охватить в одной публикации все ее аспекты. Остановимся преимущественно на освещении стержневого вопроса модернизации — динамике развития ее индустриальной базы в имперский период. При этом не стоит демонизировать предшествующую эпоху по отношению к последующей. У каждой из них свои задачи и возможности социума по их реализации. Крайне опрометчиво судить о ранней эпохе с позиций более поздней. Такое модернизаторство не способствует объективной интерпретации исторического процесса.

1. ЭВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Реформы являлись основным способом решения назревших задач российского общества на протяжении двух выше обозначенных этапов его модернизации и полностью вписывались в имперский период Рос-

сийской цивилизации. Модернизация России, как и западная, началась с протоиндустриализации, но имела иной характер и другие хронологические рамки. В отличие от западной она менее детерминировалась нехваткой земель для развития крестьянского хозяйства, но большим спросом на промышленные изделия в огромной сельскохозяйственной державе, ведущей бесконечные войны и осваивающей все новые и новые территории, для чего требовалось много оружия, сельскохозяйственных орудий и бытовой утвари. Первостепенную роль в данной связи играл металл, в отличие от Западной Европы, ориентированной в то время преимущественно на текстиль. На примере металла рассмотрим начальные шаги протоиндустриализации и ее хронологические рамки в Российской цивилизации.

В конце XV–XVI вв. сложилось несколько очагов мелкого железоделательного производства в Олонецком и Тульско-Каширском районах, которые обеспечивали войско пушками, ядрами, саблями и другим оружием, а крестьянское хозяйства — серпами и косами, другими мелкими сельскохозяйственными орудиями; городское население — бытовыми изделиями. По подсчетам академика С. Г. Струмилина в XVI в. в Московии производилось ежегодно свыше 100 тыс. пудов железа.⁶

Однако в ее центральной части не были известны крупные залежи железной руды, и вскоре центром железоделательного производства становится Урал с его уникальными запасами разных руд. Они были известны аборигенам края задолго до новой эры, но их промышленное освоение началось только с приходом русских. В 70-х гг. XVI в. в Строгановских имениях на западном склоне Уральского хребта велась плавка болотной руды в домницах. С начала XVII в. этот процесс получил уже более широкое распространение. Заметный центр крестьянского железоделательного производства сложился в Кунгурском уезде, где находилось более 40 мелких заводиков, вырабатывающих до 50 пудов железа в год. Таких примеров можно привести много. Из них следует, что производство металла еще не стало специализированным, им занимались как побочным промыслом непрофессионально в традиционной крестьянской среде, чаще всего на основе семейных связей. Полуторавековая эволюция кустарных металлургических заводиков подготовила мощный взлет доменной металлургии имперской эпохи.

Он связан с именем Петра I, реформы которого предусматривали развитие промышленности, являющейся базой модернизационного перехода. Для этого широко использовался опыт западной Европы, но

⁶ Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. Феодальный период (1500–1860). М., 1954. С. 16–26.

с учетом российской специфики. Становление промышленности шло при активной поддержке государства. 43% промышленных предприятий, основанных Петром, были созданы за государственный счет. При этом половину их составляли металлургические и металлообрабатывающие заводы, а также суконные, кожевенные и другие мануфактуры. За годы правления Петра количество мануфактур выросло в 10 раз. В их природе переплелись элементы капиталистических и крепостнических отношений.⁷

Примечательно, что промышленность создавалась не только в центре страны, но и на далеких окраинах. Опираясь на многочисленные свидетельства о нахождении богатых железорудных месторождений на Урале и перспективности опыта их использования, Петр во время Северной войны повелел строить там крупные заводы. В 1701 г. вошли в строй Невьянский и Каменский заводы, положившие начало российской доменной металлургии. Для своего времени это были крупные заводы. Уже в первые годы своего существования Невьянский завод выплавлял чугуна больше, чем все заводы Центральной России. При этом он, как и другие предприятия, оставался типичной мануфактурой феодальной эпохи, являясь промежуточным звеном между ремеслом и крупной машинной индустрией. Хозяин завода был собственником земли, на которой он располагался, также как и прикрепленных к ней крестьян. Всего на Урале в первой половине XVIII в. было построено 71 металлургическое предприятие, 33 из которых производили черный металл, а 38 — медь. Урал занял ведущее положение в горно-металлургической промышленности России, которая вышла в 1800 г. на первое место в мире по производству черного металла, притом Урал давал 4/5 русского чугуна и железа.⁸

Все это имело глубокие социально-экономические последствия, которые, к сожалению, невозможно детально проследить в одном параграфе. Остановимся лишь на некоторых из них, которые редко фигурируют в публикациях по модернизационной тематике. Строя государственные заводы, Петр поощрял частную промышленную деятельность, что нашло яркое выражение в знаменитой Берг-привилегии 1719 г., которая разрешала представителям всех сословий находить руды и сооружать свои металлургические заводы, провозглашала промышленную деятельность делом государственной важности. Это была мера определенно выраженного модернизационного характера,

⁷ См.: Судьбы реформ и реформаторов в России. М., 1999. С. 62, 63.

⁸ См. подробнее: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 144–165.

направленная не только на развитие металлургии, но и на становление внесословного частного предпринимательства, зарождения капиталистических отношений, которые составляли суть модернизационного процесса того времени.

В горнозаводском деле Урала удивительно сочеталось натуральное хозяйство, сложная кооперация производителей и капиталистическая мануфактура, а горнопромышленники были одновременно и помещиками, и заводчиками. Такого не знает европейская модернизация. Видимо, поэтому столь многочисленны западные, да и современные отечественные попытки отлучить Россию в целом и Урал, в частности, от модернизационного процесса. На самом деле модернизация Урала началась в XVIII в., шла в специфических, смешанных феодально-капиталистических формах.

По указу Петра от 18 января 1721 г. заводчикам разрешалось покупать деревни вместе с крестьянами и использовать их на своих предприятиях. В результате промышленники недворянского происхождения получили возможность эксплуатировать крепостных крестьян. Позднее эти крестьяне назывались посессионными, как и заводы, к которым они приписывались. Приписные крестьяне стали основным источником социального слоя рабочих людей на уральских казенных заводах. В 1726 г. рекруты из местных приписных составляли 27% мастеровых и рабочих людей, а в 1745 г. уже 70% (на некоторых предприятиях до 90%). В 1757 г. частным владельцам также было дано разрешение набирать учеников из числа приписных крестьян и селить их при заводах.

Приписные крестьяне составляли основную производительную силу новой металлургии, достигнув в начале XVIII в. 12–15 тыс. человек, а в конце царствования Петра I — 25 тыс. человек. Часть из них жила и работала на заводах круглый год, а другая, большая часть, выполняла заводские повинности параллельно с ведением земледелия. В таком случае нагрузка на работника возрастала как бы вдвое, следовательно, ни о каком переходе от аграрного общества к индустриальному пока говорить не приходится. В этом заключается парадокс петровской модернизации.

Горнозаводское население отличалось специфическим менталитетом, приобретенным в ходе модернизации, отличным от традиционного крестьянского. По свидетельствам современников «сам род занятий заводских людей имеет на них развивающее влияние, вследствие чего заводской мастеровой по умственному развитию стоит выше здешнего крестьянина». Уральский горнорабочий в отличие от хлебопашца, привыкшего «сидеть у моря и ждать погоды», говорит: «До Бога высоко» и

«имеет тенденцию самолично осуществлять предполагаемое за собой или действительно принадлежащее ему право».

В сознании населения Урала под воздействием protoиндустриализации шла острейшая борьба между патриархальным и индустриальным, между старым и новым. Крестьянское население считало святым делом земледельческие работы, а копанье земли из-за скрывающихся в ее недрах богатств казалось занятием от лукавого, оскорблением, надругательством над землей. Они недоброжелательно относились к попыткам «изрыть грудь матушки — сырой земли». Горщики, ведущие поиск «серебра, золота, камней самоцветных», назывались «бесами погаными». Напротив, люди, связанные с горным делом, считали свой труд результатом Божьего промысла, его благословением, гордились его прибылью и важностью «интересам государственным». Так по образному выражению С. В. Голиковой «в домах переплавлялись не только куски руды в металл, но и представители отдельных социальных и этнических групп в новую общность — горнозаводское население».

Эволюция уральской металлургии в период protoиндустриализации имела удивительную эффективность. За неполную первую половину XVIII в. Никита и Акинфий Демидовы умножили свое состояние в 930 раз. Капитальные вложения в строительство, не считая оборотных фондов железодельных заводов, выросли за две трети XVIII в. в 167 раз. Для мануфактурного периода развития промышленности такие темпы самовозрастания капитала считаются исключительными. За первую четверть XVIII в. этот рост составлял 7,7 раза, за вторую — 7,6 раз, тогда как «основной капитал» всей фабрично-заводской промышленности России за четверть века (1885–1910 гг.) капиталистической эпохи вырос только в 5,2 раза.⁹ Выходит, эпоха феодальной protoиндустриализации оказалась эффективней раннеиндустриальной капиталистической модернизации. Высокие темпы и впечатляющие результаты protoиндустриализации уральской металлургии не могут экстраполироваться на всю Россию. Она еще долго прозябала в традиционном обществе, но они опровергают заявления о том, что Российская модернизация в принципе не начиналась до сталинской или ельцинской эпох.

В социальной сфере петровские преобразования, с одной стороны, открывали дорогу к модернизационному переходу, а, с другой стороны, консервировали устои традиционного общества. Первая позиция проявлялась в повышении социальной мобильности, быстром росте бюрократии, что было закреплено в знаменитой «Табели о рангах» и ус-

⁹ Струмилин С. Г. Указ. соч. С. 240, 255.

корених консолидации торгово-промышленной прослойки населения, относящейся к буржуазии, а вторая — в дальнейшем закреплении крестьян и усилении их эксплуатации. В области культуры существенное значение для модернизации имело развитие светского просвещения, школьного образования вплоть до попыток введения всеобщего обязательного обучения, которое все-таки на том этапе не состоялось. Открывались библиотеки, периодические печатные издания, формировалась Академия наук. Однако культурные преобразования в конечном счете привели к разделению культуры на две части — для высшего слоя общества и простого народа, что негативно сказалось на духовном развитии Российской цивилизации.

В целом реформы Петра были по существу революцией. Несмотря на свою противоречивость, они придали значительное ускорение стране для выхода из традиционного общества, позволили разрешить проблемы, которые были жизненно важны для России в условиях европейской конкуренции. Число мануфактур выросло в 10 раз. Они обеспечивали страну новыми промышленными изделиями. На базе индустриализации и научных достижений были созданы мощная армия и флот, обеспечившие выход державы к морям. Однако, петровские реформы не сломали основы феодального строя, а скорее укрепили крепостничество и самодержавие, что препятствовало саморазвитию модернизации и привело к дальнейшей ее стагнации.

После смерти Петра I темпы модернизации снизились, но она в принципе и дальше шла его курсом. Об этом свидетельствуют указы его преемников. Несмотря на многочисленные дворцовые перевороты, они корректировали его реформы то в лучшую, то в худшую сторону. В результате внедрялись в жизнь все новые и новые западные новации, но крупных, отвечающих потребностям времени, реформ модернизационного свойства не проводилось. Страна «отдыхала» от напряженного ритма петровских преобразований.

Особый интерес представляет реформаторская деятельность Екатерины II, приобретая поистине огромные масштабы. «Полное собрание законов Российской империи» включает 5798 законодательных актов, изданных за годы ее правления.¹⁰ Проанализировать все не представляется возможным, важно оценить их направленность, вычленив те, которые напрямую относятся к проблемам модернизации страны.

По мнению А. Б. Каменского Екатерина полагала, что «главным занятием населения страны должно остаться земледелие, а мануфак-

¹⁰ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 330.

турное производство должно занимать либо свободное время земледельцев, либо поглощать избыточную рабочую силу». Она считала вредным большое скопление людей в городах, возмущалась концентрацией промышленности в Москве.¹¹ Приведенные высказывания Екатерины не свидетельствуют в пользу активной поддержки промышленности, поскольку на первом месте у нее стояли аграрные проблемы.

Одним из главных ее законотворческих документов можно считать «Наказ Уложенной комиссии». В нем подчеркивались успехи Петра Великого в распространении европейских обычаев, акцентировалось внимание на просвещении и воспитании граждан в духе законов и нравственных идеалов христианства, что возводилось в ранг государственной задачи. При этом императрица твердо стояла на принципах самодержавия и крепостничества. Это не укладывалось в ее декларации о предпочтительности свободного труда над подневольным и не способствовало прогрессу модернизации.

Вместе с тем отдельные законодательные акты регламентировали развитие имеющейся промышленности. С одной стороны, она максимально сосредотачивалась в ведении государства, а, с другой стороны, власть боролась с ее монополизацией. Следствием первой тенденции стало сосредоточение около 75% металлургического производства в руках государства, а следствием второй тенденции — либерализация торгово-промышленной деятельности, в которой не допускалась монополизация.¹² Первая тенденция мало способствовала модернизационному переходу, а вторая шла ему навстречу.

Частью комплексной программы реформ Екатерины II была «Жалованная грамота городам» (1785 г.), которая вела к консолидации городского населения в особое сословие — мещан, что было шагом на пути к созданию «третьего сословия» в России, играющего существенную роль в модернизации.¹³ На то же была направлена реформа образования, по которой учреждались двухклассные училища в уездах и четырехклассные в губернских городах, где преподавали довольно широкий спектр школьных предметов. В результате впервые в России возникла единообразная система государственных учебных заведений с единой методикой и организацией учебного процесса.¹⁴

Модернизация, как известно, порождает рост бюрократии, склонной к коррупции. В этом недостатка в России никогда не было. С пер-

¹¹ Там же. С. 351.

¹² Там же. С. 378, 379.

¹³ Там же. С. 440, 441.

¹⁴ Там же. С. 438, 439.

вых дней своего царствования Екатерина повела решительную борьбу с лихоимством чиновников. В указе от 11 октября 1764 г. она писала, что, понимая бесперспективность репрессивных мер и моральных увещеваний, изыскивает избавление «Наших подданных от притеснений и взяток безжалостных судей и канцелярских служителей», но найти новые меры, искоренить это извечное зло ей не удалось.¹⁵

В целом екатерининские реформы велись в духе петровских преобразований по формуле «Петр дал нам бытие, Екатерина — душу», имели важное значение для России того времени, продвинули ее по пути совершенствования государственного и социального устройства, образования и культуры. Екатерининская модель преобразований также как и петровская была ориентирована на максимальное использование западных инноваций прежде всего военного характера для укрепления армии и флота с целью обеспечения независимости страны и укреплению империи, но она мало способствовала органичной модернизации страны, обеспечению ее необратимости. Реформы Екатерины не сняли главных препятствий на пути модернизации — крепостного права и самодержавия, хотя в определенной мере способствовали ей.

XIX в. в России открылся реформами Александра I. Он продолжил дело Петра I и Екатерины II, пытался даже под влиянием Французской революции перейти к более радикальным преобразованиям на основе серии новых законодательных актов. Слово «закон» было высечено на медали, отчеканенной по случаю его коронации. В феврале 1803 г. последовал «Указ о вольных хлебопашцах», разрешавший помещикам по их желанию отпускать крестьян на волю, и представлял первую попытку отхода от сохранения крепостничества, что можно считать возможностью буржуазного развития сельского крестьянства в начале XIX в.,¹⁶ а, следовательно и углубления модернизации. В то же время были учреждены министерства, как и в странах Европы, вставших на путь буржуазного развития. Несколько позднее получили конституции Великое Княжество Финляндское и Царство Польское, которое гордилось самой либеральной конституцией в Европе.

В законотворческой деятельности Александра особую роль сыграл М. М. Сперанский, который по мнению многих историков критически оценивал состояние России и был сторонником отмены крепостного права. Он понимал необходимость реформ как средства предотвращения возможных потрясений. Реформы должны были сдерживать дес-

¹⁵ Там же. С. 385, 386.

¹⁶ См. подробнее: Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 212.

потические черты самодержавной власти в сторону конституционной монархии буржуазного типа.¹⁷ Сперанский являлся сторонником формирования «экономически независимого сословия», для которого необходимо было «всемерное расширение института частной собственности», а это важная часть модернизационного перехода. Он задумывался о «моральной необходимости общего образования» и предложил идею знаменитого царскосельского музея, который открылся 19 октября 1811 г. При этом проблема народного просвещения связывалась с ликвидацией в России угнетения и рабства.¹⁸

Реформатор отвергал революционный путь развития, который, по его мнению, не обеспечивал коренного переустройства общества, и ориентировался на эволюционное совершенствование всех сфер общественной жизни. Цель преобразований для него была в создании «истинной монархии», опирающейся на закон. Систему управления страной он предложил строить по принципу разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной.¹⁹ Новые порядки связывались с постепенным вовлечением в преобразовательный процесс представителей всех сословий российского общества, что позднее произошло в ходе реальной модернизации.

«В позиции Сперанского, — по мнению авторов монографии «Судьба реформ и реформаторов в России» — как в капле воды отразилась одна из характерных черт российского реформаторства с его дефицитом собственных идей, стремлением к восприятию уже достигнутого в ущерб созданию оригинального, учитывающего особенность российского общества».²⁰ Идеи Сперанского вызвали недовольство в дворянской среде, которая была основным противником модернизационных преобразований, да и самого императора настораживало постепенное ограничение его власти. В результате в 1812 г. Сперанского отправили в отставку, но на этом его карьера не кончилась. Она продолжалась при более консервативном режиме Николая I.

Последующие проекты реформ, предложенные А. Д. Киселевым, В. П. Кочубеем, Н. Н. Муравьевым и другими сановниками и предусматривающие решение крестьянского вопроса, а также ограничение самодержавной власти, казалось близкие к осуществлению, так и остались нереализованными, не говоря уже о неоднократно обсуждаемой «Конституционной Хартии Российской империи» (в другом варианте

¹⁷ Там же. С. 213, 216, 217.

¹⁸ Судьба реформ и реформаторов в России... С. 82, 83.

¹⁹ Там же. С. 84, 85.

²⁰ Там же. С. 91.

«Государственной Уставной Грамоты Российской империи»), в которой значились гражданские свободы, свобода слова, свобода вероисповедания, равенство всех жителей России перед законом, неприкосновенность личности, частная собственность, федеративное устройство и другие компоненты, лежащие в основе модернизации.²¹ Следовательно, при Александре I произошло глубокое осознание необходимости радикальных перемен в России на пути к модернизации, были сделаны некоторые шаги в этом направлении, но в целом империя оставалась во власти традиционного общества.

Состоявшееся вскоре после смерти императора восстание декабристов доказало, что в стране необходимы перемены, и они готовы их провести, но разгром восстания и реакция Николая I отодвинула решение острейших проблем страны до следующего царствования. Впрочем, необходимо иметь в виду, что в эпоху Николая I Россия не представляла принципиального исключения в мировой истории. Тогда подавляющим большинством населения земли по-прежнему оставалось крестьянским. Не был полностью искоренен и подневольный труд. Число рабов в США выросло с 700 тыс. в 1790 г. до 3 200 тыс. в 1850 г. Период всеобщей индустриализации наступил только после 1848 г.,²² когда рабство в массовом масштабе заменил наемный рабочий, развернулась капиталистическая модернизация.

То, что не решился сделать в начале XIX в. Александр I, пришлось совершить в середине века Александру II, но уже в безвыходной ситуации. После позорного поражения в Крымской войне и власть, и общество, даже активно тормозившее модернизационные перемены дворянство, были вынуждены признать безотлагательную отмену крепостного права, что было продекларировано Манифестом 19 февраля 1861 г. В целом буржуазные реформы 1860–1870-х гг. комплексно и относительно бескровно устранили отжившие формы государственного устройства, принципиально не поколебав многовековых устоев Российской цивилизации. В этом были плюсы и минусы, которые проявились в последующие полвека.

Данной проблеме посвящена огромная литература как либеральная, так и марксистская, но она чаще рассматривается с традиционных позиций этих двух направлений общественной мысли, а не с модернизационной парадигмы, тогда как в этом есть большая необходимость в условиях нового этапа российской модернизации. Попытаемся обратиться к некоторым сюжетам, имеющим принципиальное значение

²¹ Там же. С. 244, 245.

²² Хобсбаум Э. Указ. соч. С. 240, 407.

для понимания эволюционной модели имперского этапа модернизационного перехода.

Отмена крепостного права имела принципиальное значение не только для русского крестьянства и политического имиджа державы, но и для перспектив выхода из традиционного общества, активизации модернизации страны. Переход в свободное состояние более трех четвертей ее населения открыл дорогу для давно ожидаемых социально-экономических и политических преобразований, к развитию капиталистических отношений и формированию гражданского общества.

По одному из важнейших показателей модернизации — промышленному производству — рост за 50 пореформенных лет составил почти 800 %, превышая показатели всех европейских стран и только немного уступал США. Однако, в целом отставание от развитых стран преодолевалось медленно. Производство валового внутреннего продукта на душу населения, доходы народа и производительность труда отставали в 3–5 раз по сравнению с модернизированными странами.²³ Не сформировался в России и социальный субъект, способный возглавить новый этап модернизации.

Современными и важными мероприятиями на пути модернизации были судебная, земская, городская, военная, финансовая, университетская, цензурная и другие буржуазные реформы, которые в основном отвечали предъявляемым требованиям времени и подводили Россию к уровню модернизирующейся Европы. Судебная реформа отменяла сословность суда, устанавливала его независимость от администрации, гласность и состязательство сторон, несменяемость судей, вводила институт присяжных заседателей. Земская реформа строилась на внеклассовых принципах и предусматривала решение земскими управами вопросов строительства и эксплуатации больниц, школ, дорог и других культурно-бытовых учреждений. Это не распространялось на национальные окраины, которые оставались с традиционными управленческими структурами. Специальное городское положение расширяло полномочия органов местного самоуправления и способствовало решению проблем урбанизации, что имело существенно значение для развития модернизации. Военная реформа сократила сроки службы для солдат с 25 до 16 лет, отменила телесные наказания, ввела всеобщую воинскую повинность мужчин с 20 лет, предусматривала кардинальный пересмотр вооружений. Финансовая реформа ввела принцип бюджетного единства, унифицировала системы учета и отчетности, поручила

²³ Согрин В. В. Уроки российской истории и современные реформы // Вопросы философии. 2002. № 11. С. 12.

единому Государственному банку кредитование торговых и промышленных заведений. Реформирование системы просвещения вело к расширению начального и специального образования, отмене сословных ограничений при поступлении в среднюю и высшую школу, вводило либеральный по тому времени университетский устав, разрешало выборность ректоров, проректоров, деканов и профессоров при их последующем утверждении министром народного просвещения.²⁴

Реформы Александра II стали вторым крупным шагом после Петра I на пути модернизации России, причем все они в отличие от петровских преобразований и особенного его преемников были нацелены на модернизацию, хотя в XIX в. это и не воспринималось так. Они открыли дорогу переходу от традиционного к современному по тому времени обществу, но надо понимать, что оно еще не было индустриальным и демократическим, поскольку раннеиндустриальная модернизация только началась, а самодержавие оставалось, вместе с ним и множество крепостнических пережитков. В стране по-прежнему преобладали отработочная и кабально-арендная система обработки помещичьих земель, потребительная природа крестьянских хозяйств, отсутствие нормального рынка рабочей силы и земли, аграрный сектор оставался доминирующим и др. Поэтому в России к 1917 г. еще не завершился переход от командной экономики к рыночной, хотя рынок как регулятор экономических отношений в основном вытеснил внеэкономическое принуждение.²⁵

Причин такого положения очень много. Из них выделим две для последующего понимания нашего текста. Первая — крайне низкий образовательный уровень населения. По Европейской России в середине XVIII в. грамотность сельских жителей обоего пола старше 9 лет не превышала 3%, в 1792 г. лишь 6% мужского и 5% женского сельского населения умела читать и иногда писать, в 1857 г. — соответственно 19% и 10%; а среди собственно крестьян грамотных в середине XIX в. было 2–5%.²⁶ Отсюда размах народнического движения за подъем грамотности и культуры крестьянства, попытка преодоления петровского раскола культуры на две категории — элитарную (прозападную) и народную (исконно русскую), а также связанный с этим своего рода шок после отмены крепостного права, когда народовольцы начали охоту на государственных деятелей и убили царя-освободителя Александра II.

²⁴ См. подробнее: Реформы и реформаторы в России. С. 97–109.

²⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. I. СПб., 1999. С. 409.

²⁶ Там же. С. 402.

Вторая причина связана с первой и в некотором роде объясняет ее крайности. В то время как отмена крепостного права проходила в два этапа в Центральной и Восточной Европе на протяжении 150–200 лет, в России эта акция очень долго ожидалась, а произошла скоротечно, что, с одной стороны, оставляло много крепостнических пережитков, а, с другой стороны, породило гипертрофированное понимание свободы.

В тяжелом положении после отмены крепостного права оказалась не только европейская часть страны, но и окраины, особенно Урал. Здесь в период расцвета крепостничества сформировался крупнейший в империи центр металлургического производства. Теперь, как нигде в России пережитки крепостнического права тормозили его дальнейшее развитие. В процессе буржуазных реформ переплетались и взаимно усиливали друг друга противоречия между старым и новым хозяйственными укладами, стоящими за ними социальными силами. Полуфеодальный характер землевладения и организации труда сдерживали развитие рыночных механизмов и тормозили прогресс в уральской металлургии. Доля уральского металла в общероссийских показателях неуклонно сокращалась. Если в 1860 г. она составляла по чугуну 70,7%, то к 1900 г. снизилась до 27, а к 1913 г. — до 20%; по железу, стали соответственно с 78,5 до 27 и 18%. За 1861–1900 гг. на Урале закрылось около 40 заводов. К началу XX в. осталось только 88 предприятий, тогда как накануне отмены крепостного права их насчитывалось около 130.²⁷

Базовой организационно-производственной структурой металлургической промышленности Урала оставался горнозаводский округ, который представлял собой замкнутый многоотраслевой комплекс традиционного натурального хозяйства с соответствующими социальными отношениями. Основу энергетики округа составляли древесный уголь и вода запруженных рек. Хозяева округов — уральские заводчики — имели монопольное право на землю и ее природные богатства, а до отмены крепостного права и на зависимое от них горнозаводское население.

Социальные пережитки традиционного общества были еще одним фактором, тормозящим модернизацию уральской горнозаводской промышленности. Освобождаясь от крепостной зависимости, бывшие крепостные рабочие люди получали участки земли, экономически привязывающие их к прежнему заводу. Приусадебное хозяйство было важной особенностью рабочих уральских заводов, чем принципиально отличало их от рабочих, живущих в казармах. В результате уральский

²⁷ См. подробнее: Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Указ. соч. С. 167.

рабочий обходился заводчику вдвое, а то и втрое дешевле, чем на капиталистических заводах юга страны, что не стимулировало технический прогресс. Патерналистская политика сформировала особые, не свойственные индустриальному обществу отношения между рабочими и администрацией заводов: «Нигде в мире нет заводов, обязанных вести дело только ради того, чтобы прокормить рабочего, — писал один из крупных горнозаводских деятелей пореформенного периода С. П. Формановский, — а на Урале почти все заводы так и поставлены».²⁸ Очень характерную оценку подобной ситуации дал В. О. Ключевский: «Любуясь, как реформа преображала русскую старину, не доглядели как русская старина преображала реформу».²⁹

Преемник Александра II, его сын Александр III, еще будучи наследником не вполне разделял реформаторские взгляды отца, а придя к власти начал их коррекцию, которая коснулась многих сторон жизни империи. Не вдаваясь в детали, отметим, что они, несмотря на отчаянную борьбу сторонников и противников курса Александра II в окружении Александра III, не смогли повернуть вспять буржуазные реформы 1860–1870-х гг., хотя и ограничили действие части из них. Это относится прежде всего к реформам политического характера, таким, как полномочия самодержца, функции судов, автономия университетов и др. Монарх с присущей ему прямоотой заявлял: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?». Однако конкретные вопросы экономической деятельности, особенно в области промышленности и рабочего вопроса получили дальнейшее развитие, что отличает законодательство Александра III от его предшественников и свидетельствует о выходе данных проблем в число важных для государства.³⁰

В результате буржуазных реформ 1860–1870-х гг., несмотря на попытку ограничить их действие, Россия активно двигалась по пути раннеиндустриальной модернизации. К концу XIX в. по сравнению с началом реформ объем промышленной продукции увеличился в 7 с лишним раз, тогда как в Германии — в 5, а в Англии только в два раза. Конечно, надо учитывать, что исходный уровень индустриального развития в России был значительно ниже, чем в обозначенных европейских странах. В 1898 г. выплавка чугуна на душу населения составляла в Англии 13,1 пуда, а в России только 1,04 пуда, добыча каменного угля соответственно 311,7 пуда и 5,8 пуда. К началу XX в. в России насчитывалось 14,2 млн наемных рабочих. В городах жило

²⁸ Там же. С. 174, 175.

²⁹ Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 8. С. 362, 363.

³⁰ Власть и реформы... С. 383, 384, 388, 389, 394.

более 17 млн чел., около 13,25 % населения империи. Бурно развивалось железнодорожное строительство. В XX в. Россия вступила второй державой мира по протяженности железнодорожной сети и вышла на первое место по добыче нефти. В стране насчитывалось 1,5 млн предпринимателей, относящихся к разряду крупной буржуазии.³¹ Следовательно, Россия постепенно становилась индустриальной державой, двигаясь в число активно модернизирующихся стран, не теряя своего самобытного характера.

Крупная заслуга в этом принадлежит графу С. Ю. Витте, чья реформаторская деятельность 90-х гг. XIX — начала XX в. имела большой успех. В основе его политики лежала идея ускоренного развития национальной промышленности и железнодорожного транспорта. Он считал, что Россия «очень отстала» от передовых стран, хотя по скорости и силе промышленного роста «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств». С его именем связана разработка в 1893 г. первой программы промышленного развития России.³² Для преодоления ее отсталости по мнению реформатора требовалось напряжение всех сил, поскольку «Великие задачи требуют великих жертв». Действительно, для решения великих задач нужны были колоссальные ресурсы, которые были найдены талантливым государственным деятелем. Рассмотреть все принятые им меры не представляется возможным из-за их масштабности и разнохарактерности. Остановимся на некоторых, неординарных. Одним из эффективных путей привлечения средств стало введение винной монополии, то есть сосредоточения в руках государства продажи спирта, вина и водочных изделий. Были найдены и другие меры косвенного обложения, что в короткий срок увеличило доходы от них на 50 %. С помощью такой и иных эффективных экономических мер реформатору удалось значительно стабилизировать государственный бюджет. В конечном счете царским указом от 29 августа 1897 г. в России было введено золотое денежное обращение: рубль в первый и фактический в последний раз стал конвертируемой валютой.³³ Реформы Витте значительно продвинули Россию по пути модернизации.

После отмены крепостного права российская деревня тоже вступила на путь модернизационного перехода, хотя этот процесс проходил с большими трудностями, чем в индустриальной сфере. Тем не менее,

³¹ Там же. С. 403–405.

³² Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России. Екатеринбург, 2000. С. 44.

³³ Власть и реформы... С. 408–411, 413.

она стала крупным поставщиком сельскохозяйственной продукции. В конце XIX в. Россия давала 50% мирового урожая ржи и 25% овса. Объем хлебного экспорта составлял около 500 млн пудов в год, что равнялось примерно 1/5 общего урожая зерновых. Три четверти населения было связано с сельским хозяйством.³⁴ Поэтому крестьянский вопрос по прежнему стоял в центре внимания не только экономической, но и политической жизни страны.

Медленная эволюция сельского хозяйства препятствовала переходу традиционного аграрного общества к современному индустриальному. Многочисленные опыты по ускорению данного процесса не приводили к желаемым результатам. Радикальной попыткой их активизации стала аграрная реформа П. А. Столыпина, начатая царским указом 9 ноября 1906 г. Ее стержнем было разрешение свободного выхода крестьян из традиционной общины, что способствовало ускорению расслоения крестьянства и превращению его в множество мелких фермерских хозяйств — основы массового капиталистического производства в деревне. Реформа предусматривала создание хуторов и отрубов для вышедших из общины, а также массовое переселение крестьян в восточные районы страны. Она была рассчитана на 20 лет, но через 8 лет ее прервала I Мировая война. Оценка реформы диаметрально противоположна — от восторженно успешной до провалившейся. По крайней мере через 10–12 лет подавляющее большинство крестьян вернулось в общину, также как и многие переселенцы — к местам выхода. По всей видимости, аграрная реформа Столыпина больше способствовала революции, чем модернизации.

К рубежу XX в. Российская цивилизация несколько отошла от традиционного аграрного уклада, но, в отличие от Западной, еще не перешла к индустриальному. Сторонники аграрного развития, такие как Столыпин и его единомышленники, резко критиковали Витте за напрасно потраченные деньги на поддержку промышленности, а социал-демократы клеймили позором Столыпина за провал аграрной реформы. Не лучше обстояло дело в политической области, которая должна была обеспечить условия для модернизации, но ни демократизация, ни гражданское общество не состоялись. Вступая на престол, Николай II заявил: «Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народа, буду охранять начало самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель».³⁵ Однако через десяток лет ему пришлось отступить. Он перестал быть неогра-

³⁴ Там же. С. 399, 402, 403.

³⁵ Власть и реформы... С. 407.

ническим самодержцем, декларировал демократические институты и гражданские свободы, что зафиксировано в Манифесте 17 октября 1905 г., но это не спасло монархию от краха в ходе Февральской революции 1917 г. Отречение царя, олицетворяющего традиционное общество и провозглашение республики, казалось бы сняли основные препятствия на пути перехода к индустриальному обществу. Однако, на практике все оказалось гораздо сложнее. В итоге имперская эволюционная модель, состоящая из серии незавершенных реформ, создала предпосылки модернизационного перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу в России, но не завершила его.

Нельзя не согласиться с критиками неорганичности российской модернизации, и не только потому, что она не стала либеральной, такого в российских условиях и не могло быть, потому что этого не позволяли как внутренние, так и внешние причины. Внутренняя причина была обусловлена низким уровнем прибавочного продукта в неблагоприятных природно-климатических условиях. Внешняя проистекала из необходимости быть постоянно в боевой готовности в связи с отсутствием естественных границ государства. Все это порождало мобилизационную экономику, которая не способствовала накоплению ресурсов для нового технологического уклада. Кроме того, если на Западе переход к новому технологическому укладу подталкивался недостатком земельных угодий, тогда как в России, прежде всего на окраинах, был их избыток.

Вследствие запоздалости, обремененности феодальными пережитками, слабости национальной буржуазии, разрушения традиционного образа жизни и массовой маргинализации населения, отсутствия сформировавшегося актора трансформации, но при наличии мощных протестных сил позднеимперская модернизация привела страну не к углублению модернизационного перехода, а к антибуржуазной, антифеодальной, фактически к антимодернизационной революции 1917 г.

Таким образом, вербальная модель эволюционной модернизации России охватывала два века ее истории и представляет собой комплекс спонтанных мероприятий по овладению западными инновациями экономического и культурного плана, которые кардинально не меняли устоев традиционного аграрного общества и не поспевали за активно модернизирующимися европейскими странами, что приводило к политической и экономической отсталости Российской империи.

2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

Если смотреть на Октябрьскую революцию 1917 г. с позиций модернизационной парадигмы, то очевидно, что перед новым руководством страны встал вопрос: как перевести ее антимодернизационные тенденции в модернизационное русло, из медленной эволюционной стадии в революционный переход от традиционного аграрного общества к индустриальному? Уже первые шаги советской власти были направлены на ликвидацию помещичьего землевладения, передачу земли крестьянам, отмену привилегий традиционного общества, укрепление позиций одного из основных акторов модернизационного процесса — рабочего класса, доступность образования, отделение церкви от государства и др., то есть фактически на создание базы модернизационных преобразований, которые тогда назывались социалистическими.

Однако потребовалось пройти через гражданскую войну, «военный коммунизм», нэп, восстановление народного хозяйства и другие промежуточные этапы прежде, чем модернизация смогла выйти на финишную прямую с принципиально иных революционных позиций по сравнению с имперским эволюционным периодом. В. И. Ленин тогда писал, что предстояла «упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества».³⁶ Его слова относились к диктатуре пролетариата, но их с полным основанием можно адресовать модернизации, которая с помощью названных методов боролась против того самого традиционного общества. Нам предстоит проследить, как это происходило на практике.

Прежде всего встает вопрос о взаимодействии между революцией и модернизацией. Синонимы они или антиподы? Поиск ответа на него необходимо начать с соотношения этих понятий. Модернизация — явление цивилизационного масштаба, то есть переход всякого общества, независимо от страновой или социально-культурной принадлежности, от традиционности к современности. Революция же означает смену социально-экономического уклада, как правило в конкретной стране, иногда в группе стран в рамках модернизационного перехода. Нередко революция становится средством преодоления препятствий на пути к модернизации. Так случилось с Россией в 1917 г.

Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 27.

нарождающиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой стороны, уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. В первом случае была совершена историческая ошибка, во втором — историческое завоевание. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному).³⁷

Вся их стратегия и тактика накануне и в ходе Октябрьской революции, все их надежды и чаяния были связаны с мировой пролетарской революцией, которой предстояло уничтожить капитализм и провозгласить социализм. Без этого они не представляли себе перспективы России со слабым развитием промышленности, малочисленностью рабочего класса, подавляющим большинством крестьянского населения, нерешенностью аграрного вопроса и низким культурным уровнем. Из этого следует, что предпосылок социализма в самой России практически не было, в то время как задача перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному давно стояла на повестке дня, хотя такими категориями тогда не мыслили.

Между тем, мировая пролетарская революция задерживалась. Встал вопрос, что делать дальше в России. С одной стороны, шла «красногвардейская атака на капитал», а с другой дебатировался вопрос о реформах в послереволюционный период. В. И. Ленин отстаивал тезис о том, что реформы после победы рабочего класса вполне правомерны в условиях, когда «является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепенновскому, осторожно-обходительному методу действий в коренных вопросах экономического строительства» и заключал: «По сравнению с прежними революционными, это — подход реформистский, который... и переставляет его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше».³⁸ По другому подходил к проблеме И. В. Сталин, который видел в реформах после революции лишь необходимость «сойти временно с пути революционной перестройки существующих порядков». По его мнению смысл реформ, в частности нэпа, состоял только в том, что завоевания революции позволяли на время отступить без опасности потерять власть.³⁹

³⁷ Алексеев В. В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004. С. 296.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 221, 222.

³⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 6. С. 166–168

После смерти В. И. Ленина Л. Д. Троцкий и его сторонники продолжали ориентироваться на мировую революцию, стремились ее подтолкнуть, но время ушло, капитализм остался и продолжал наращивать промышленное производство, разорять крестьянство, превращать его в наемных работников. Ускорился переход от аграрного общества к индустриальному, но отнюдь не к социалистическому. России грозила еще большая отсталость, если не крах перед лицом индустриального Запада. I Мировая война, революции и гражданская война свели практически на нет скромные результаты имперской модернизации. В 1920 г. промышленное производство в стране упало до одной пятой довоенного уровня. Предстояло наверстывать упущенное для того, чтобы сохранить независимость. И еще, новой власти для упрочения своего положения была необходима надежная опора на рабочий класс. Его предстояло развить и консолидировать на основе быстрого индустриального прогресса.

Прежде чем встать на этот путь, предстояло преодолеть последствия послевоенной и революционной разрухи. В той конкретной ситуации это зависело от двух принципиальных обстоятельств. Первое было связано с международной обстановкой, поскольку Советская Россия не признавалась ведущими державами Запада, которые вели против нее военную интервенцию, а мировая пролетарская революция никак не начиналась. Второе обстоятельство предусматривало ликвидацию послереволюционной разрухи внутри страны. Эти обстоятельства преодолевались в рамках политики «военного коммунизма», который ориентировался на прямое введение социализма. Ее принципы, методы и результаты хорошо известны, нам осталось только проследить их значение для модернизации.

Надо сразу заметить, что они были отрицательны, даже катастрофичны. «Военный коммунизм» растратил почти все достижения имперской модернизации. С 1917 по 1920 гг. резко сократилось сельскохозяйственное производство. Оно потеряло не менее 1/3 посевных площадей и 1/3 поголовья скота. Промышленное производство сократилось в 7 раз, резко упала производительность труда. Были сведены на нет успехи железнодорожного строительства. Объем железнодорожных перевозок обрушился до уровня 1890-х гг. Общий итог народнохозяйственных потерь к 1922 г. составил 1/3 национального богатства страны. Население по современным подсчетам сократилось за 1914–1920 гг. на 25 млн чел., особенно в городах.⁴⁰

⁴⁰ Судьба реформ и реформаторов. С. 237, 238.

«Военный коммунизм» оказался скоропалительной и неудачной формой борьбы с постреволюционными трудностями, которые не позволили перейти к созидательным модернизационным процессам, а осложнили и без того критическое положение России. Следовательно, грань взаимодействия между революцией и модернизацией на данном этапе обернулась самой худшей стороной. Тем не менее, необходимо объективно заметить, что в этот трудный период Советской властью были предприняты важные шаги, которые в дальнейшем имели принципиальное значение для модернизации. В 1920 г. был принят знаменитый план ГОЭЛРО (электрификации), который сыграл важнейшую роль в последующей реконструкции народного хозяйства страны.

Провал «военного коммунизма» привел в 1921 г. к Новой экономической политике (нэпу). До сих пор в научной литературе и среди политиков не утихают споры о его сущности и эффективности использования капиталистических методов в развитии экономики. Нас интересует другое — способствовал он модернизации или нет? В определенной степени да, поскольку улучшилось общее экономическое положение страны. Благодаря развитию частного предпринимательства, товарно-денежных отношений, рынка накопились некоторые средства для вложения в промышленность, но сама она пока развивалась слабо. Нэп, способствуя росту производительности труда, все-таки не совершил прорыв в этой области, не начали осуществляться крупные научно-инвестиционные проекты. Выяснилось, что он не в состоянии развернуть широкомасштабную модернизацию. В целом Россия в условиях нэпа по-прежнему оставалась традиционным обществом. Шанс капиталистической модернизации не увенчался успехом.

К концу 1920-х гг. нэп исчерпал себя потому, что время требовало ускорения модернизации, а для нее были нужны новые идеи, новые структуры, новые общественные отношения, более ускоренный переход к индустриальному обществу в связи с угрозой иноземного вторжения со стороны западных держав, прошедших стадию модернизации. Поэтому современное «оплакивание кончины» нэпа либеральными публицистами, с нашей точки зрения, не имеет под собой оснований.

Партия большевиков объявила «великий перелом», началом которого стал 1929 г. Его суть заключалась в отказе от нэпа и переходе к развернутому строительству социализма, к началу полномасштабной модернизации страны, которая продолжалась практически до конца века. В отличие от капиталистической, советская модернизация шла под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом. Революция, социализм и модернизация сливались в еди-

ное целое. Советская власть с одной стороны, пошла дальше царского правительства в заимствовании западных идей модернизации — взяла на вооружение европейские принципы социализма и сделала их основополагающими в жизни России, а с другой стороны, отвергла порожденный тем же Западом капитализм. В результате она отказалась от наработанного веками опыта капиталистической модернизации, и сосредоточилась на неизведанных никем основах социализма.

«Великий перелом» в представлениях той эпохи ориентировался на построение социализма в одной отдельно взятой стране, что рассматривалось как теоретический прорыв в будущее. Фактически же это была переориентация с аграрного на индустриальное развитие государства, т. е. переход от аграрного к индустриальному обществу — модернизации, что отвечало интересам державы и соответствовало основополагающей тенденции века. Такой подход являлся реалистичным. Время подтвердило его необходимость и результативность. Революция открыла дорогу для решения кардинальной проблемы российской истории, и это было сделано под популярным лозунгом социализма, хотя для его реализации в тогдашней России не было условий. В итоге модернизация двинулась вперед с большим ускорением и достигла финиша, а социализм задержался на старте.

Эта ситуация получила неоднозначные оценки в научных и политических кругах. Из многочисленных точек зрения выделим тройку доминирующих. Одна — советская, исходила из того, что это было начало форсированного строительства социализма в СССР. Другая — в большей степени западная, сводила вопрос к формированию советского тоталитаризма, сталинской диктатуре. Третья оценивала российскую модернизацию с позиций ее неадекватности западному образцу. А что же было на самом деле? Попытка построить социализм действительно имела место, и на этом поприще были успехи, но сегодня известно, что социализм не состоялся. Объяснить все тоталитаризмом и сталинской диктатурой невозможно. Это лишь политические штампы. Реальность же такова, что те, по сути своей революционные, решения открыли путь превращения России из страны аграрной в индустриальную державу.

Тоталитаризмом нынче нарекают всю российскую историю, особенно советскую, но это понятие нелепо звучит применительно к догоняющей модернизации, поскольку давно известно, что ее главным фактором во всех странах является государство (total — всеобщий, общегосударственный). В таком случае из всех догоняющих модернизаций только российская оказалась тоталитарной. Вопрос о сталинской

диктатуре сложен и противоречив. По нему высказано множество научных и политических точек зрения. Не вдаваясь в детали, коснемся его в плане советской модернизации, без чего нельзя понять ее ход и результаты. Беда в том, что к личности И. В. Сталина чаще всего подходят вне исторического контекста, точнее ограничиваясь его деяниями на поприще строительства социализма. Но ведь он в принципе решил за беспрецедентно сжатые сроки задачу многовековой исторической важности — переход России от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. А на этом пути и в других странах происходили не менее трагические события, о которых нынче предпочитают не вспоминать. Однако об этом приходится напоминать не для того, чтобы оправдать Сталина, а для того, чтобы объяснить суть происходившего.

Путь Сталина к власти и способы распоряжения ею объясняются не только чертами его характера, но и менталитетом российского традиционного общества, которое породило и почитало «отца народов», своего рода «верховного жреца» или мессию. На смену царистским иллюзиям тогда пришли пролетарские, замешанные на мифе о счастливом будущем — коммунизме. Заслуга Сталина в том, что он один из немногих лидеров большевиков своевременно понял нереальность мировой пролетарской революции и обосновал необходимость в этих условиях укрепить могущество своей страны перед лицом внешней опасности. Не прошло и десятка лет, как всем здравомыслящим людям стало ясно, что большая война на пороге. Тем самым вовремя был дан мощный импульс модернизационному процессу, который при всех его издержках сыграл спасительную роль для России. Другой альтернативы не было. Вариантов возникало немало, но кто мог гарантировать их успех в той безвыходной ситуации.

Сталин одним махом сокрушил тысячелетнее традиционное общество в России. Это исторический факт, который бессмысленно отрицать даже при самом негативном отношении к его личности. Он открыл путь к современному индустриальному обществу под лозунгом социалистической перспективы. Судить о Сталине надо не с позиции «кодекса чести либерального менеджмента» или санкций Устава КПСС по отношению к проштрафившемуся партийному функционеру, а как о личности цивилизационного масштаба со всеми ее плюсами и минусами, цена которых непомерно велика. Будь на месте Сталина кто-то другой, жертв, по всей вероятности, было бы меньше, но и результатов тоже немного. Скорее всего, дело не только в личности, а в исторической ситуации, которую тогда переживала Россия. Преодо-

ление многовековой отсталости требовало или длительного времени, или множества жертв, а, в конечном счете, и того и другого. «Великие задачи, — утверждал далекий от коммунизма имперский реформатор С. Ю. Витте, — требуют великих жертв».

Рассмотрение позиции других лидеров большевизма не входит в нашу задачу. Коснемся только вопроса о современных попытках приписать некоторым из них, в частности Е. А. Преображенскому и Н. А. Бухарину, авторство либеральной альтернативы сталинской модернизации. Кое-какие фрагменты можно найти, но серьезной альтернативы не существовало, поскольку после Октябрьской революции и гражданской войны в стране не оставалось ее реальных акторов, кроме государства. Более того, для либеральной модели модернизации в то время не существовало ни политических, ни экономических ресурсов.

Государство, партия и их лидеры в советский период были сакрализованы. Советы депутатов трудящихся и партийные организации представляли собой в некотором роде осколки традиционных структур, поскольку руководствовались традиционной соборностью в выработке и принятии решений, урегулировании конфликтных ситуаций, отстаивании своего единства. Большинство советских руководителей вышло из традиционного общества и несло на себе его печать. Сам факт большевистского фанатизма являлся проявлением традиционности. Многие решения, несмотря на новомодную фразеологию, носили традиционалистский характер, а потому с пониманием воспринимались традиционным менталитетом. Возникла парадоксальная ситуация, когда действия, ведущие к разрушению традиционных ценностей, одобрялись традиционным обществом.

Безусловно, что сталинская модель модернизации стала тяжелейшим испытанием для страны, но могла ли она еще сотню лет эволюционировать в сторону индустриального общества, когда ее основные конкуренты уже давно были там? Преодолеть вековую отсталость в короткий срок без революционной ломки институциональных устоев и менталитета архаического общества было невозможно. Революционные меры не могли не вызвать ответную негативную реакцию, которая безжалостно подавлялась. Это и породило почти столетнюю революцию в России. Она то затихала, то вспыхивала с новой силой, хотя и не носила формы открытой вооруженной борьбы. Последний ее всплеск, как ни странно, произошел на рубеже XX–XXI вв., когда страна уже преодолела стадийное отставание и включилась в мировую индустриальную цивилизацию.

Рассмотрим с этих позиций конкретный ход советской модернизации. В связи с невозможностью проследить все ее аспекты остановимся на главном — взаимодействии революции и модернизации в области индустриализации, переустройстве деревни и культуры, что должно было обеспечить превращение страны из аграрной в индустриальную, независимую в технологическом отношении от зарубежных держав. Предстояла коренная техническая реконструкция народного хозяйства на базе электрификации, комплексная механизация и автоматизация производства, подготовка индустриальных кадров высокой квалификации на основе ликвидации малограмотности, организация широкой сети учебных заведений высшего и средне-специального образования, а также — научно-исследовательских институтов, массовая урбанизация, рост трудовой и политической активности населения, повышение его благосостояния. Это был принципиально иной, революционный характер модернизации по сравнению с имперским эволюционным этапом.⁴¹

Основой советской модернизации была мобилизационная экономика, которая, в отличие от классической, опиралась не на рыночные механизмы, а на административные директивы, высоко централизованную систему управления, жесткое подчинение экономических задач политическим целям, чрезвычайные меры для достижения этих целей, сочетание благородных идеалов с грубым принуждением, наличие специальных компенсаторов экономического и социального плана, крайнюю идеологизированность проводимых мероприятий. Последнее обстоятельство в советской модернизации играло особую роль, поскольку ускоренный переход от аграрного общества к индустриальному в условиях социально-экономической отсталости государства требовал мобилизации всех, не только экономических, но и духовных сил общества. Он, в отличие от капиталистической модернизации, проводился под знаменем социального равенства, великого будущего. При этом особое значение имело обобществление производства. Если капиталистическая модернизация в подавляющем большинстве осуществлялась на основе частной собственности, то советская — на базе государственной, что проистекало из социалистической доктрины и необходимости централизации скудных ресурсов на наиболее важных участках производства.

Стержнем модернизации стала индустриализация. Курс на нее провозгласил в 1925 г. XIV съезд ВКП(б), который выдвинул директиву «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, обе-

⁴¹ См.: Алексеев В. В. Ключевая проблема российской истории XX века // Тр. Отд-ния ист.-филол. наук. 2005. М., 2005. С. 284–300.

регающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие средств производства и образования резервов для экономического маневрирования».⁴² Этой директивы советское руководство придерживалось до середины 1980-х гг. Более того, директивное планирование, освещаемое решениями съездов, стало основой социально-политического развития всей России. Конечно, большевики не руководствовались теорией модернизации, ее тогда еще не существовало. Они преследовали цели спасения от капиталистического окружения и реализации своей социалистической доктрины, но это в конечном счете работало на ускоренную модернизацию.

Создание тяжелой промышленности требовало огромных средств, современного сложного оборудования и высококвалифицированных кадров. Ничего этого в стране, разрушенной мировой войной и революцией, не было. Стартовый уровень индустриального развития оказался, как нигде в мире, низким. Октябрьская революция настигла Россию в конце переходного периода от доиндустриального к индустриально-технологическому способу производства. Революционной власти предстояло преодолеть стадийное отставание от передовых стран мира. Эта трудная задача осложнялась тем, что к началу советской модернизации около половины населения страны было неграмотно. Только с помощью гигантской социальной мобильности удалось преодолеть такое положение.

Для индустриализации потребовались гигантские капитальные вложения. Не имея возможности получить иностранные кредиты, СССР вынужден был проводить ее только за счет внутренних ресурсов, прежде всего перекачивания средств из сельского хозяйства и ограничения непроизводственного потребления. В канун развертывания индустриализации около 50% национального дохода страны создавалось в сельском хозяйстве. Следовательно, деревня оказалась основой «первоначального накопления» для создания индустрии, гарантированного обеспечения быстрорастущего городского населения и армии продуктами питания.

Перекачивание ресурсов от потребления к накоплению иллюстрируется следующими данными. В то время как с 1928 по 1931 гг. национальный доход вырос в 1,5 раза, непроизводственное потребление увеличилось всего на 7%. Доля реального накопления в национальном доходе выросла за тот же период с 14,7 до 36%, а удельный вес произ-

⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М., 1970. С. 247.

водственного потребления упал с 83 до 60%.⁴³ Такое стало возможным только в условиях командной экономики, порожденной революцией.

Индустриализация началась с создания базовых отраслей тяжелой промышленности. С 1929 по середину 1941 г. было построено 9 тыс. крупных промышленных предприятий,⁴⁴ которые представляли почти все отрасли индустрии той поры, что позволило обеспечить экономику необходимой промышленной продукцией и сократить до минимума ее закупки за рубежом. В 1936 г. они составляли менее 1%.⁴⁵ Таким путем страна преодолевала стадийное отставание от индустриальной цивилизации и обретала экономическую независимость.

Это была эпоха угля и стали. Расширялась и укреплялась южная угольно-металлургическая база, создавалась новая на востоке страны. Актуальность этой проблемы четко обосновывалась в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета», принятого 15 мая 1930 г. В нем подчеркивалось, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу... Жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири». Она была создана в годы первых пятилеток и сыграла спасительную роль в условиях II Мировой войны, когда потребовалось огромное количество металла для производства вооружений.

Темпы российской индустриализации были невиданно высокими. Ежегодный прирост объема промышленного производства в течение 1928–1937 гг. составлял 18,1 %, тогда как в бурно развивающейся Японии всего 8,9 %, в западных державах и того меньше.⁴⁶ Правда, в конце 1930-х гг. такие темпы заметно снизились, и тем не менее, по мнению либерального критика российской модернизации А. Г. Вишневского, «30-е гг. были временем промышленного рывка, который невозможно отрицать и который создал основу для превращения СССР в могучую индустриальную державу».⁴⁷

В результате первых двух пятилеток (1929–1937 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пяти-

⁴³ Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1988. С. 51.

⁴⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 33.

⁴⁵ Судьбы реформ и реформаторов в России. С. 279.

⁴⁶ Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 53.

⁴⁷ Там же. С. 56.

летки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала 5-е место в мире, то СССР к концу второй пятилетки вышел на 1-е место в Европе и 2-е место в мире. Его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13,7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4% общей стоимости народно-хозяйственной продукции. Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6% населения страны, а в 1939 г. уже 50,2%. Они становились основой среднего класса России. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18% населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30%. За 1929–1940-е гг. среднегодовая численности занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19,6 млн чел. (36%), а в промышленности и строительстве выросла на 8,9 млн чел. Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении. Но их порядок убедительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных достижениях модернизации России, важных шагах перехода от традиционного аграрного к индустриальному обществу.⁴⁸

Индустриализация сыграла решающую роль в укреплении обороноспособности страны, что имело принципиальное значение накануне и в годы II Мировой войны. В 1937–1940 гг. темпы роста военной продукции втрое превышали общепромышленную динамику. В то время как производство боеприпасов для наземных систем вооружений и авиации в Германии в период II Мировой войны в 2,6 раза превышало тот же показатель во время I Мировой войны, объем советского военного производства в 1941–1945 гг. был в 24,5 раза выше, чем в Российской империи в годы I Мировой войны.⁴⁹ Советские танки и самолеты превосходили лучшие германские образцы, играли решающую роль в крупнейших сражениях II Мировой войны.

Принципиальное значение имело своевременное создание второй угольно-металлургической базы вдали от театра военных действий — на Урале и в Сибири. В 1942–1944 гг. один Магнитогорский металлургический комбинат давал стране 33% чугуна, 25% стали и проката, 50% железной руды и 30% кокса. А на долю всего Урала в годы войны приходилось 40% всей продукции военной промышлен-

⁴⁸ Алексеев В. В. Ключевая проблема российской истории... С. 289.

⁴⁹ Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз / Пер. с англ. В. Бусыгина. Новосибирск, 1998. С. 417.

ности государства.⁵⁰ Индустриальные центры восточных районов страны приняли и обустроили тысячи эвакуированных промышленных предприятий и миллионы советских людей, что перечеркнуло надежды на немецкий блицкриг, которому предстояло уничтожить все это на оккупированных территориях СССР. В итоге можно смело утверждать: модернизация спасла Россию от фашистского рабства, что сыграло решающую роль в ее судьбе.

II Мировая война привела к потере многих завоеваний довоенной модернизации, а, с другой стороны, активно способствовала научно-техническому прогрессу, который бурно развивался все последующие годы. В годы войны выросли советские руководители новой волны, Н. А. Вознесенский, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов и многие другие, а также блестящая плеяда маршалов во главе с Георгием Победоносцем Жуковым. Влияние Российской цивилизации распространилось на треть человечества.

Рассмотрев индустриальную составляющую модернизации, перейдем к аграрной, связанной с коллективизацией, которая решила две главные задачи — обеспечила индустриализацию необходимыми ей ресурсами, а города — продовольствием, подравнивала социальный состав населения, в основном исключив из него классово чуждые элементы. Коллективизация привела к принципиальной смене форм собственности и новому раскладу политических сил в стране, обеспечила города и армию продовольствием, открыла для трех четвертей населения страны путь в современность. Вместе с тем, ее проведение сопровождалось многочисленными перегибами, большими страданиями и тысячами невинных жертв. Точных цифр погибших в годы коллективизации нет. Подсчеты зарубежных авторов колеблются между 3 и 13 млн чел.⁵¹

Позитивная и негативная оценка коллективизации содержится в огромном количестве российских и зарубежных публикаций. В нашу задачу не входит обращение к ним. Заметим только, что она была одной из трагических составляющих столетней революции в России. Коллективизация даже в «Кратком курсе истории ВКП (б)» объявлялась революционным переворотом, «равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в Октябрь 1917 г.».⁵² Она сыграла решающую роль в модернизации страны, но, в конечном счете, погубила

⁵⁰ Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 601–640.

⁵¹ См.: Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 299.

⁵² История ВКП(б). Краткий курс. М., 1950. С. 291.

русскую деревню. Получив большое количество техники, колхозники не смогли ею по-хозяйски распорядиться. Архаические устои деревни и тактика выкачивания из нее ресурсов для индустриализации не привели к прогрессу сельского хозяйства. Там воцарился социальный застой, который не смогли поколебать многочисленные решения партии и правительства по аграрным вопросам.

В советской модернизации материально-технический прогресс превращался в самоцель. Человек, условия его существования, социального и культурного развития отодвигались на второй план. Миллионы людей, оторванные от традиционного уклада, представляли собой безликую массу, которая, с одной стороны, грозила непредсказуемостью, а, с другой стороны, легко поддавалась политическому манипулированию, чем и воспользовались большевики, которые вколачивали в головы людей идеалы «светлого будущего», ради чего необходимо было поступиться личным благом. В определенной мере это удалось. «Простой советский человек» вынес на своих плечах невзгоды коллективизации и индустриализации, а затем ценой своей жизни защитил их результаты в годы Великой Отечественной войны.

Сталинская модернизация, как и петровская, сопровождалась глубинной культурной революцией. Если первая несла европейскую культуру лишь высшим слоям общества, а простой народ оставался безграмотным, что привело к вековому расколу общества на два противоположных лагеря, то вторая ликвидировала безграмотность, активно способствовала развитию науки и общенародной культуры, но при этом оказалась оторванной от европейских ценностей и излишне идеологизированной. В Советском Союзе существовало свыше сотни определений культурной революции и в несколько раз больше публикаций о ней. Не вдаваясь в детали этого дискурса, попытаемся определить суть культурной революции и ее значение для модернизации.

Перед культурной революцией стояла труднейшая задача переделки человека традиционного крестьянского общества в творца индустриального, которое требовало более развитого интеллекта, повышенной грамотности, хорошей квалификации, высокой социальной мобильности, иного мировосприятия, отношения к труду, собственности, культурным запросам. Запад решал эту задачу несколько сотен лет. Советы располагали всего несколькими десятилетиями. Самым трудным было первое десятилетие «великого перелома», когда началась форсированная индустриализация, и миллионы неграмотных крестьян пришли из деревни в город, трудно к нему адаптировались, еще труднее привыкали к заводскому ритму. Последующие поколения вчераш-

них крестьян, пришедших в годы первых пятилеток на заводы, стали со временем высококлассными специалистами, которые ковали оружие Победы, строили космические корабли, осваивали бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока.

Одним из едва ли не самых спорных вопросов советской культурной революции является судьба интеллигенции. «Советская «культурная революция», — по утверждению А. Г. Вишневского, — сопровождалась антиинтеллигентским террором, массовым физическим истреблением носителей европеизированной русской культуры, интеллектуальной и художественной элиты, просто широко образованных людей, подавлением свободы индивидуального научного и художественного творчества, нарастанием мертвящего консервативного догматизма».³³ Все это было, но нельзя не замечать и другое — выдающийся вклад советской интеллигенции в развитие модернизации, в победу над фашизмом, в противостояние в «холодной войне», в освоение космоса, в художественную культуру XX в. Печально, что из этих исторических свершений нынешнее поколение не черпает опыт и творческое вдохновение, а мирится со лженаукой, массовой культурой и бездуховностью.

Наряду с социально-экономической трансформацией шла политическая, особенно активно в 1917–1936 гг. Коснемся только одного ее наиболее важного вопроса — демократизации, без которой невозможна модернизация. Именно она обеспечила современному человеку возможности выбора своего социального статуса, профессии, образования, места жительства, сексуального партнера, формы досуга и, конечно же, политические свободы, чего не знало традиционное общество.

Наиболее ярко демократическая перспектива была представлена в сталинской конституции 1936 г., которая называлась самой демократической в мире. В самом деле, она впервые в мировой истории провозгласила право на труд, а в России всеобщее, прямое, тайное. Тайное избирательное право, равноправие граждан независимо от пола, национальности и расы, а также другие демократические ценности, что в отличие от традиционного общества открыло широкий простор для трудовой и творческой инициативы масс в модернизационном процессе. Советская власть сполна использовала все это, но не прошло и года после принятия конституции как в стране начался «большой террор», который свел на нет демократические посулы. Маховик чудовищных репрессий захлестнул не только классово чуждые элементы, но и широкие трудящиеся массы.

³³ Вишневской А. Г. Указ. соч. С. 179.

До сих пор ведутся отчаянные споры о количестве погибших и виновниках трагедии. Виноваты вожди, допустившие это в ходе политических междоусобиц. Виноваты полуграмотные исполнители преступных приказов, виновато общество, возбужденное революционными потрясениями и накопившее огромный потенциал ненависти. Очевидно шла борьба не только за социалистические преобразования и их различные толкования, но и за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, которая породила скрытую форму гражданской войны. Это был рецидив столетней российской революции.⁵⁴

Подводя итоги первого этапа советской модернизации, можно констатировать, что тогда был осуществлен революционный поворот от России традиционной, деревенской к современной, индустриальной, городской. Она мобилизовала все ресурсы традиционного общества для создания технологических основ современного и тем самым обеспечила «полушку безопасности» от ударов извне, вступила в соревнование с крупнейшими державами индустриальной эпохи. Тогда страна ушла от феодализма и капитализма, но не пришла к социализму. По меткому замечанию В. А. Красильщикова: «Большевикам удалось сделать то, чего не удалось ни Петру Великому, ни другим царям, пытавшимся проводить модернизацию в России: примирить выборочно некоторые принципы «модернити» с традиционными архетипами уравнительности и псевдоколлективизма, преодолеть социокультурный раскол в обществе, который ранее сопровождал модернизацию, — причем преодолеть, не отказываясь от ее имперской модели».⁵⁵

Конечно, постреволюционная модернизация была специфична, достигнутая исключительно дорогой ценой, но не завершена. Что касается специфичности, цены, страданий народа и злоупотребления властью при том, то, категорически осуждая все это, приходится признать трагическую российскую закономерность с петровских до ельцинских времен, объясняя ее огромными масштабами страны, неразделенностью власти и собственности, низкой политической культурой народа, перманентной внешней угрозой со стороны соперничающих держав, краткостью времени для решения неотложных задач национальной безопасности, традиционной покорностью населения властям, его феноменальной терпимостью к невзгодам.

⁵⁴ См.: Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские чтения, посвящ. 275-летию Российской академии наук. Екатеринбург, 2000. С. 35–48.

⁵⁵ Красильщиков В. А. Мировые модернизации и судьбы страны // Свободная мысль. 1999. № 1. С. 103.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Хотя наиболее объективные из них, такие как крупный британский историк Э. Хобсбаум в своей знаменитой трилогии отмечал, что к середине XX в. стало ясно, какие страны будут относиться к первой группе высокоразвитых государств, а какие ко второй — безнадежно отставших. Он пишет: «И если бы в 1930-х гг. Россия не развила промышленность для того, чтобы перепрыгнуть пропасть между отсталыми и развитыми странами, ей так и пришлось бы оставаться неподвижной, застывшей на полпути между большинством и меньшинством мирового сообщества. В истории XX в. нет лучшего примера того, как отсталая страна превратилась в передовую».³⁶ Это действительно яркий пример революционного прорыва советской модернизации.

Другое дело, что она насаждалась сверху революционной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда, не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации, не создала механизм саморазвития.

Критиковать огрехи советской модернизации 1930-х гг. можно и должно, но не стоит забывать о том, что условия того времени по многим позициям не позволяли поступать иначе. Решить за короткий срок все те задачи, на которые западные державы потратили века, в одночасье было невозможно. Разнобой политических и историографических оценок советских преобразований проистекает из их фактической противоречивости, поскольку ставилась задача построения социализма, а на практике совершился в основных чертах переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному.

Нередко рассмотрение советской модернизации завершают концом тридцатых годов. А что было дальше? Думается, что осуществлялся переход к позднеиндустриальной модернизации. При этом решались две группы проблем — внутренние и внешние. Их уровень поднялся на значительно большую высоту. Внутренние проблемы были связаны с ростом масштабов и сложности развития страны в условиях послево-

³⁶ Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Р.-н/Д., 1999. С. 251, 252.

енного мира, начала научно-технической революции и с исполнением народных ожиданий лучшей жизни после индустриализации, коллективизации и кровопролитной войны. Внешние проблемы определялись нарастанием международной напряженности и развязыванием «холодной войны», которая требовала укрепления содружества социалистических государств, поиска новых союзников, создания сверхмощных вооружений. Это был новый вызов Российской цивилизации после II Мировой войны, имеющий огромное геополитическое значение. К ответам на него можно относиться по-разному, но бесспорно одно — история снова поставила Россию в ответственное положение. По крайней мере пришлось с гигантским напряжением форсировать новый виток модернизации для того, чтобы выполнить свою историческую миссию.

В целом решать столь крупные задачи в пределах жизни одного поколения было также тяжело, как и преодолевать экономическую отсталость в ходе довоенной модернизации, тем более в рамках прежней мобилизационной модели и уменьшения ресурсов доверия к существующему режиму. Пришлось корректировать соотношение между накоплением и потреблением, между городом и деревней, переходить от трудоемких к трудосберегающим технологиям. При этом, в условиях острого дефицита финансовых ресурсов надо было совместить несовместимое — огромные затраты на оборону и подъем жизненного уровня населения.

Новый этап модернизации носил реформистский характер, но по сути оставался революционным. Экономический рост, хотя и замедлился по сравнению с довоенными годами, оставался устойчивым и динамичным. Его темпы в 1950–1960-х гг. составляли 7–10% за год, заметно превышая соответствующие показатели большинства развитых стран Запада.⁵⁷ По утверждению Г. Ханина, автора в свое время нашумевшей статьи «Лукавая цифра», в 1950-е гг. советская экономика переживала подлинный расцвет. За счет роста производительности труда обеспечивалось 80% прироста ВВП, что было значительно выше, чем в Великобритании и США. По потреблению основных продуктов питания и продолжительности жизни населения СССР достиг уровня развитых стран мира. Расходы бюджета на просвещение и здравоохранение за эти годы выросли вдвое. В военном, научном и экономическом отношении СССР стал супердержавой, уступавшей только США.⁵⁸

⁵⁷ Белоусов А. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI в. 2000. № 3. С. 29.

⁵⁸ Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль XXI в. 2002. № 5. С. 74–78.

Одной из самых успешных для экономики страны стала восьмая пятилетка (1965—1970 гг.), когда объем промышленного производства вырос в 1,5 раза, а производительность труда — на 1/3.³⁹

Послевоенная модернизация сохранила культ тяжелой промышленности, в структуре которой преобладали добывающие отрасли. Вместе с тем, эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Беспрецедентные мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадильное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В 1960 г. доля СССР в мировом промышленном производстве достигала 20%, он входил в число мировых индустриальных гигантов, занимая передовые места по многим показателям.

Такие успехи объясняются довоенным импульсом «большого скачка» в индустриальном развитии, новыми задачами, вставшими перед страной в условиях послевоенного мира, накопленным опытом промышленного строительства, возросшим уровнем развития науки и техники, энтузиазмом народа, победившего в кровавой схватке с фашизмом. Все это имело судьбоносное значение на поприще «холодной войны», обеспечения безопасности Отечества и перехода державы к завершению позднеиндустриальной модернизации.

Вместе с тем страна трудно вписывалась в тогдашние реалии мирового развития. Западные государства вступили в новый этап модернизации, связанный с научно-технической революцией. Они подняли роль государства в модернизационном процессе, что роднило их с СССР, но там, как и ранее, важнейшее значение играла модернизация «снизу» — свободная конкуренция многочисленных фирм и индивидуальных, которая в новых условиях сильно катализировала технический прогресс, связанный с достижениями отдельных ученых, инженеров, менеджеров.

Вместо возрастающей потребности в индивидуализации труда и социальных потребностей Н. С. Хрущев поставил во главу угла коммунистическую общинность и заявил, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, который был совершенно недостижим в то время. Отсюда движение за коммунистическое отно-

³⁹ Судьба реформ и реформаторов в России. С. 328, 329.

шение к труду и быту вместо переключения внимания на судьбоносную значимость НТР для отечественной модернизации.

Последующие советские руководители пытались преодолеть подобные отклонения, перейти к повышению заинтересованности предприятий и их коллективов в совершенствовании производственных процессов и результативности своего труда, но не решилось далеко пойти в этом вопросе, опасаясь за стабильность своего положения. Оно не встало на путь расширения взаимодействия с Западом по использованию его опыта модернизации «снизу».

Если на попритце индустриального развития имелись успехи, то совсем плохо выглядела вторая сторона модернизации — аграрная. После окончания Отечественной войны и до середины 1950-х гг. урожай зерна был ниже уровня 1913 г., производство мяса едва превышало дореволюционные показатели, тогда как численность населения в городах выросла на 40 млн чел. На уровне 1958 г. 53 % прироста мяса, 35–38 % картофеля, овощей, молока, 87 % яиц в стране обеспечивали личные подсобные хозяйства.⁶⁰ Это свидетельствует о том, что в аграрном отношении страна недалеко ушла от традиционного общества. В 1980-х гг. доля занятых в сельском хозяйстве СССР достигала 20 %, тогда как в США только 3 %. Между тем, удельный вес сельского хозяйства в валовом национальном продукте СССР составлял 2 %, а в США — 17%.⁶¹ Такая ситуация была порождена разорением российской деревни индустриализацией и опустошением коллективизацией. Село неуклонно деградировало, что практически на нет сводило успехи модернизационного перехода.

Апогей наступил в середине 1980-х гг., когда закупки хлеба внутри страны составили лишь 56 млн т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн т.⁶² О какой продовольственной безопасности в таком случае могла идти речь? Опасаясь хлебных бунтов, советское правительство установило фиксированные цены на хлеб и тратило огромные валютные ресурсы на обеспечение бесперебойного снабжения продуктами питания городского населения. За 1974–1984 гг. только нефти и нефтепродуктов было отправлено за границу на 176 млрд долларов. Кроме того, ежегодно продавалось не менее 200 т золота.⁶³ После того как администрация Рейгана добилась резкого понижения мировых цен

⁶⁰ Судьба реформ и реформаторов в России. С. 298, 299.

⁶¹ Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 62.

⁶² Народное хозяйство СССР в 1990 году. Стат. ежегодник. М., 1991. С. 693.

⁶³ Платонов О. А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1998. Т. II. С. 394.

на нефть и золото, Советский Союз оказался в очень тяжелом положении. Пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники западного капитала. Вследствие растущей финансовой зависимости М. С. Горбачев вынужден был идти на постоянные политические уступки Западу, что в конце концов привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь были и другие причины, но эта стала одной из главных.

Под влиянием модернизации происходили значительные изменения в социально-демографической сфере. В 1960 г. произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР. К концу века по сравнению с его началом доля населения занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20 %. Состоялся скачок в качестве жизни. За 1950–1960-е гг. среднедушевое потребление товаров возросло почти в 3 раза и достигло уровня, сопоставимого со стандартами среднеразвитых стран мира. Принципиально изменился рацион питания. Если в ходе довоенной модернизации при четырехкратном росте объемов промышленной продукции на душу населения производство мяса и молока снизилось соответственно на 24 % и на 14 %, а калорийность питания оказалась ниже уровня 1913 г., не обеспечивая медицинских норм, то за 1950–1960-е гг. душевое потребление качественных видов продовольствия (мясо, молоко, рыба) возросло почти вдвое, достигнув устойчивого обеспечения физиологических потребностей человека. Развертывание массового жилищного строительства позволило снизить критическую остроту жилищной проблемы. Городское население в основном переместилось из подвалов и бараков в индивидуальные квартиры. Число людей, получивших новое жилье в 1951–1960-е гг. составило 84,6 млн чел. (41 %) населения, в 1966–1970 гг. — 109,5 млн чел. (46 %).⁶⁴

Улучшение питания, жилищных условий, медицинского обслуживания, привело к резкому повышению продолжительности жизни. В 1950-е гг. она увеличивалась в среднем на один год за год и к началу 1960-х гг. достигла 70 лет, что соответствовало уровню высокоразвитых стран, тогда как в начале века составляла 32 года. Советская модель благосостояния в эти годы ориентировалась на обеспечение первичных потребностей населения при невысоком уровне потребления, относительно низкую дифференциацию доходов и высокую степень охвата населения социальными услугами преимущественно за счет государства. По советским меркам это были хорошие показатели, но они

⁶⁴ Ханин Г. Указ. соч. С. 30, 31.

сильно уступали ведущим западным странам, которые завершили свою модернизацию значительно раньше.

Однако обольщаться этими безусловно впечатляющими результатами не приходится. Оставалось множество нерешенных проблем народного благосостояния. Хотя по сравнению с 1930-ми годами уровень жизни населения уделялось все более внимание, он все-таки оставался невысок. По признанию М. С. Горбачева в СССР только 6–8% производственных фондов работало на «товары народного потребления», отсюда всеохватывающий товарный дефицит. По оценке А. Г. Вишневого в послевоенный период среднегодовые темпы роста реальных доходов населения неуклонно падали: 6,55% — пятидесятые годы, 4,7% — в шестидесятые, 3,4% — во второй половине семидесятых, 1,85% — в первой половине восьмидесятых.⁶⁵ С этими показателями трудно спорить, но видимо необходимо учитывать большую разницу между абсолютными цифрами 1950-х и 1980-х гг., в контексте неизмеримо выросшего ВВП страны и конкретного наполнения этих процентов.

Постепенно, начиная со второй половины 1950-х гг., в экономике СССР стали нарастать трудности, связанные с демонтажом командной системы и непомерным ростом военных расходов, что трансформировало советскую модель модернизации. Более того, в мире начинался переход к постиндустриальному обществу, а советские лидеры не учли этого, сохранили старую структуру экономики. С начала 1970-х гг. отмечалось падение ее основных показателей. Темпы прироста национального дохода за три последние советские пятилетки снизились более чем вдвое. Если прирост продукции промышленности в восьмой пятилетке достигал 8,5%, то в одиннадцатой только 3,7%. Среднегодовые темпы роста производительности труда снизились более чем вдвое.⁶⁶ В 1983 г. производительность труда в СССР составила 38% от американской.⁶⁷ Качество выпускаемой продукции перестало соответствовать мировому уровню.

Упали темпы технического прогресса. Современные машины и оборудование пришлось покупать за рубежом. С 1970 по 1985 гг. их стоимость в импорте СССР выросла в 7 раз, а доля импорта в товарообороте поднялась с 9,1 до 15%. На уровне 1985 г. главными статьями экспорта были топливно-энергетические ресурсы, руды, металлы, химические удобрения, лесоматериалы. Тогда в обмен на машины и хлеб

⁶⁵ Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 69.

⁶⁶ Судьбы и реформы в России. С. 331, 332.

⁶⁷ Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 68.

уходило 20 % добытых в стране нефти и газа, 14 % железной и хромовой руды, 31 % калийных удобрений.⁶⁸

Другим негативным следствием модернизации и нарастающих трудностей СССР стал структурный перекося в сторону развития промышленности, что было обусловлено в значительной степени внешней угрозой. Во второй половине XX в. она в первую очередь ассоциировалась с США и их союзниками. Историческое противостояние двух сверхдержав породило горы оружия, производство которого базировалось на достижениях модернизации и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, в 1980-е гг. использовал 20–25 % валового национального продукта. Третья часть занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды.⁶⁹ Расходы на оборону выросли с 16,2 млрд руб. в 1950 г. до 51,3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилась с 1 135 тыс. чел. в 1946 г. до 2 850 тыс. чел. в 1965 гг.⁷⁰

В результате такого напряжения сил СССР удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25 393, а у США 24 424 боезарядов с соответствующими средствами доставки.⁷¹ Паритет принципиально важен, но нужен ли он на таком высоком уровне? По всей вероятности, той и другой стороне достаточно было применить хотя бы десятую часть своих боеголовок, чтобы уничтожить все живое на планете. Гонка за лидером привела Россию к разорению.

Попытка преодоления трудностей СССР была предпринята в середине 1980-х гг. М. С. Горбачевым. Его стратегия перестройки предполагала ускорение социально-экономического развития страны, что требовало завершения модернизации и ускорившееся отставание от западного мира. Программа перестройки первоначально строилась по принципу: больше социализма, больше демократии, но вскоре от социализма отказались и сосредоточились на демократии. Хуже того, политика отодвинула на задний план экономику. Между тем, по нашему глубокому убеждению не «революции локомотивы истории» и не разница в 5 или 7 % присутствия той или иной партии в парламенте определяют прогресс общества, а своевременная смена техноло-

⁶⁸ Там же. С. 60, 61.

⁶⁹ Там же. С. 63.

⁷⁰ Белоусов А. Указ. соч. С. 49.

⁷¹ Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М., 1999. С. 167.

гического способа производства. В то время как передовые страны осваивали шестой технико-экономический уклад, СССР «застрял» на четвертом—пятом. Советская индустрия не выдерживала западной конкуренции, преобладали отрасли сырьевой ориентации. Страна сидела на «нефтегазовой игле», и два десятка политических партий вместе с тремя сотнями общественных объединений ничего не могли с этим поделать.

Горбачевская перестройка провалилась, приведя экономику страны к катастрофе, а Советский Союз к распаду. Его остатки с начала 1992 г. приступили к либеральным реформам. Они предусматривали переход на свободные (рыночные) цены и тарифы, отмену ограничений на заработную плату, разрешение всем предприятиям осуществлять внешнеэкономическую деятельность, приватизацию государственной собственности, привлечение в российскую экономику иностранных инвестиций. Это привело к неконтролируемому росту цен, резкому снижению уровня жизни, потере сбережений трудящихся и другим потрясениям. Наиболее негативно рыночные реформы сказались на индустрии, обороноспособности страны, науке и культуре, здравоохранении, всей социальной сфере. Шла бесконечная модернизация политического пространства, но это не компенсировало нерешенность других неотложных проблем страны.

Непоправимый удар либеральные реформы нанесли по обрабатывающей промышленности, техническому прогрессу, взаимодействию города и деревни, особенно малых городов и деревень, демографическим процессам, когда умирало ежегодно по миллиону человек, резко сократилась продолжительность жизни — меньше 60 лет у мужчин, и немного больше у женщин. Тем самым была утрачена большая часть достижений модернизации XX в. Она фактически остановилась. Конечно, среди потерь были экономически неэффективные предприятия с устаревшей техникой, исчерпавшие себя социальные завоевания, изживенчество государственных структур и частных граждан, другие отжившие элементы начального этапа модернизации, но эта цена оказалась неоправданно высокой и не способствующей завершению модернизационного перехода.

Особенно тяжелое положение сложилось в аграрном секторе экономики. Либеральные реформы делали ставку на фермерство, которое должно было решить проблемы сельского хозяйства, но его состояние наоборот ухудшилось. Валовой сбор зерна за 1993—1996 гг. сократился с 99,1 млн до 59,3 млн т, а поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 52,2 млн до 35,8 млн голов. Ограниченность государствен-

ных инвестиций в сочетании с высокой ценой нефтепродуктов, удобрений, сельскохозяйственных машин, высокие темпы инфляции и другие беды новой экономики окончательно разорили село.⁷²

В стране появился новый класс собственников, в руках которого оказались громадные ресурсы, созданные трудом предшествующих поколений. Львиная доля особо ценных активов досталась олигархам в их бесконтрольное, а то и паразитическое пользование, что привело к высокой напряженности в обществе. Такое положение никак не способствовало завершению модернизации, наоборот, отбросило страну далеко назад.

Триумф и трагедия модернизационной динамики России выпались в фарс после распада Советского Союза и перехода к либеральным реформам. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала страны. Ее удельный вес в мировом промышленном производстве упал с 9,1 % в 1900 г. до 4,4 % в 2000 г.⁷³ Теперь трудно понять, где она находится — в доиндустриальном или постиндустриальном мире?

Кризис Российской цивилизации на этапе позднеиндустриальной модернизации связан с общим кризисом индустриализма. Если западные державы сделали из этого своевременные выводы, то советская элита, как и предшествующая ей имперская и последующая постсоветская, преследуя свои интересы, задикивались одни — на монархизме, другие — на социализме, как антиподе капитализма, а третьи — на либерализме, не реагируя на то, что постиндустриализм есть отрицание как социализма, так и капитализма. Попытка «нового мышления» М. С. Горбачева не исправила ситуацию, а наоборот, привела к коллапсу цивилизации.

Говорить о классической модернизации в эпоху Горбачева — Ельцина трудно. Тогда шла повальная деиндустриализация, деградация науки, образования, культуры, потеря кадрового потенциала как в народном хозяйстве, так в управлении, разбазаривание и без того скудных финансовых ресурсов, перекачка их за рубеж, массовое обнищание населения, демобилизация нации от реальных задач модернизации, раскол ее интересов на многочисленные этнические и социальные предпочтения, катастрофическое падение авторитета государства. Модернизации «снизу» не получилось и не могло получиться в условиях России, поскольку нельзя было вернуться на 500 лет назад, когда такой процесс начинался в западном мире.

⁷² Судьба реформ и реформаторов в России. С. 367.

⁷³ Кузык Б. Н. Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М., 2008. С. 273.

Таким образом, вербальная модель революционной модернизации XX в. представляла собой серию мобилизационных акций, направленных на оперативное превращение страны из аграрной в индустриальную, используя все материальные и духовные ресурсы нации с целью укрепления обороноспособности государства и консолидации общества под лозунгом социализма, что обеспечило ценой огромных жертв модернизационный переход, но не гарантировало окончательную победу социализма.

***

Из трехсотлетней драмы российской модернизации необходимо извлечь два главных урока. Один объективного, другой, субъективного плана. Первый обуславливался неблагоприятными по сравнению с Западной Европой природно-климатическими условиями существования россиянина, затрудняющими получение необходимых накоплений для перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, а также постоянной мобилизационной готовностью для отражения иноземных вторжений при отсутствии естественных пограничных рубежей.

Второй происходил от неограниченной эгоистичности правящей элиты, которая при хроническом недостатке капитала стремилась максимально извлекать прибыль за счет трудового народа. Дворянство пыталось возможно дольше сохранять крепостничество для получения средств, вкладываемых в новомодные прихоти личного потребления, а не в прогресс производительных сил. Молодая русская буржуазия после отмены крепостного права сконцентрировала внимание на личном обогащении путем двойного гнета производителя материальных благ, еще полностью не освободившегося от крепостнических пережитков, что привело к невиданной трагедии российской революции начала XX в. Коммунисты, пришедшие к руководству в стране в ходе этой революции, вместо преодоления тяжелого имперского наследия, сосредоточились на удержании власти и распространении своей доктрины на мировое сообщество, что привело к почти 75-летней конфронтации с этим сообществом и, в конечном счете погубило великую державу. Конец XX в. ознаменовался обратным дрейфом в сторону далеко ушедшего вперед капитализма. Постсоветская элита, дорвавшись до экономических рычагов, пытается максимально их использовать для своего обогащения, да еще путем вывоза капиталов за рубеж.

В результате, как не было, так и нет кровно заинтересованного актора эндогенной российской модернизации. Так будет до тех пор, пока не созреет надежная правовая база для ограничения алчности элиты и сосредоточения усилия на национальном проекте модернизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всеобъемлющий и многомерный характер модернизации обуславливает необходимость самостоятельного анализа ее процессов на различных общественных уровнях, в том числе на цивилизационном, где в качестве дифференцирующих факторов выступают цивилизационно-культурные контексты, фундаментальные матричные структуры и ценности, накладывающие отпечаток на модернизационную динамику. В монографии впервые на основе синтеза цивилизационного и модернизационного теоретических подходов предпринята комплексная попытка определения культурно-цивилизационной специфики российской модернизации, места страны в мировом процессе цивилизационной и модернизационной динамики; выявления основных факторов и механизмов внутренних и внешних импульсов, детерминировавших социокультурное, институционально-политическое и социально-экономическое развитие России.

Судьба российской цивилизации складывалась под действием множества внешних и внутренних факторов, которые содействовали формированию цивилизационных констант. К числу наиболее значимых следует отнести: гигантские размеры территории, особое геостратегическое положение между востоком и западом; северный вектор развития, трудные условия воспроизводства человеческого существования; незащищенность естественными рубежами от посягательств извне; неоднородность развития, но длительность существования; православие — консолидирующая основа цивилизации; полиэтничность и многоконфессиональность народов, их толерантность; имперскость, державность, авторитаризм, унитаризм; длительность крепостничества, слабость капитализма, социализм; общинность, идеи социальной справедливости, нестяжательство, миссионизм; экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм; мобилизационный тип развития и др. Рассмотренная совокупность и взаимосвязь признаков Российской цивилизации свидетельствуют о ее принадлежности к числу локальных цивилизаций, доказывает самобытность, самостоятельность цивилизационного статуса и его отличие от подобных сообществ в мировой истории, в частности от Западной цивилизации.

Сохраняя свою генетическую природу, Российская цивилизация менялась во времени в зависимости от разных обстоятельств, но решающую роль играли мировые трансформации, в частности переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, что повлияло на ее генотип. Это влияние было мало заметно в рамках традиционного общества, но получило огромное ускорение в индустриальном.

Вследствие запоздалости, обремененности феодальными пережитками, слабости национальной буржуазии, разрушения традиционного образа жизни и массовой маргинализации населения, отсутствия сформировавшегося актора трансформации, но при наличии мощных протестных сил позднимперская модернизация привела страну не к углублению модернизационного перехода, а к антибуржуазной, антифеодальной, фактически к антимодернизационной революции 1917 г.

Если смотреть на революцию 1917 г. с позиций модернизационной парадигмы, то очевидно, что перед новым руководством страны встал вопрос: как перевести ее антимодернизационные тенденции в модернизационное русло, из медленной эволюционной стадии в революционный переход от традиционного аграрного общества к индустриальному? Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свержала нарождающиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой стороны, уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. В первом случае была совершена историческая ошибка, во втором — историческое завоевание. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовый конфликт) за основное (переход от традиционного общества к современному).

В 1929 г. партия большевиков объявила «великий перелом». Его суть заключалась в переходе к развернутому строительству социализма, к началу полномасштабной модернизации страны, которая продолжалась практически до конца века. В отличие от капиталистической, советская модернизация шла под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом. Революция, социализм и модернизация сливались в единое целое. Советская власть с одной стороны, пошла дальше царского правительства в заимствовании западных идей модернизации — взяла на вооружение европейские принципы социализма и сделала их основополагающими в жизни России, а с другой стороны, отвергла порожденный тем же Западом капитализм. В результате она отказалась от наработанных веками опыта капиталистической модернизации, и сосредоточилась на неизведанных никем основах социализма.

Безусловно, что сталинская модель модернизации стала тяжелейшим испытанием для страны, но могла ли она еще сотню лет эволюционировать в сторону индустриального общества, когда ее основные конкуренты уже давно были там? Преодолеть вековую отсталость в короткий срок без революционной ломки институциональных устоев и менталитета архаического общества было невозможно. Революционные

меры не могли не вызвать ответную негативную реакцию, которая безжалостно подавлялась. Это и породило почти столетнюю революцию в России. Она то затихала, то вспыхивала с новой силой, хотя и не носила формы открытой вооруженной борьбы. Последний ее всплеск произошел на рубеже XX–XXI вв., когда страна уже преодолела стадияльное отставание и включилась в мировую индустриальную цивилизацию.

На первом этапе советской модернизации был осуществлен революционный поворот от России традиционной, деревенской к современной, индустриальной, городской. Она мобилизовала все ресурсы традиционного общества для создания технологических основ современного и тем самым обеспечила «подушку безопасности» от ударов извне, вступила в соревнование с крупнейшими державами индустриальной эпохи. Тогда страна ушла от феодализма и капитализма, но не пришла к социализму. Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом.

В дальнейшем осуществлялся переход к позднеиндустриальной модернизации. Беспрецедентные мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадияльное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В 1960 г. доля СССР в мировом промышленном производстве достигала 20 %, он входил в число мировых индустриальных гигантов, занимая передовые места по многим показателям.

Вместе с тем страна трудно вписывалась в тогдашние реалии мирового развития. Западные государства вступили в новый этап модернизации, связанный с научно-технической революцией. Они подняли роль государства в модернизационном процессе, что роднило их с СССР, но там, как и ранее, важнейшее значение играла модернизация «снизу» — свободная конкуренция многочисленных фирм и индивидуальных, которая в новых условиях сильно катализировала технический прогресс, связанный с достижениями отдельных ученых, инженеров, менеджеров. Вместо возрастающей потребности в индивидуализации труда и социальных потребностей Н. С. Хрущев поставил во главу угла коммунистическую общинность и заявил, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме, который был совершенно недостижим в то время. Отсюда движение за коммунистическое отно-

шение к труду и быту вместо переключения внимания на судьбоносную значимость НТР для отечественной модернизации.

Постепенно, начиная со второй половины 1950-х гг., в экономике СССР стали нарастать трудности, связанные с демонтажем командной системы и непомерным ростом военных расходов, что трансформировало советскую модель модернизации. Более того, в мире начинался переход к постиндустриальному обществу, а советские лидеры не учли этого, сохранили старую структуру экономики. Попытка преодоления трудностей СССР была предпринята в середине 1980-х гг. М. С. Горбачевым, но его перестройка провалилась, приведя экономику страны к катастрофе, а Советский Союз к распаду.

Триумф и трагедия модернизационной динамики России выпались в фарс после распада Советского Союза и перехода к либеральным реформам. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала страны. Ее удельный вес в мировом промышленном производстве упал с 9,1 % в 1900 г. до 4,4 % в 2000 г. Теперь трудно понять, где она находится — в доиндустриальном или постиндустриальном мире?

В контексте модернизации природа Российской цивилизации претерпела некоторые изменения в веках, ее принципиальная трансформация произошла в двадцатом столетии. Тем не менее, несмотря на гигантские катаклизмы XX в., Российская цивилизация сохранила свое ядро признаков. По-прежнему остаются огромные размеры территории. В 1990-е гг. в ходе распада СССР из него вышли 14 союзных республик, что заметно сократило территорию цивилизации, но она до сих пор остается одной из самых крупных в мире. Вследствие потери южных территорий увеличился удельный вес регионов, тяготеющих к Северу, сократились возможности выхода к морю. Осталась незащищенность естественными рубежами от посягательств извне, тем более, что значительная протяженность границ после выхода союзных республик оказалась менее охраняемой. Усиление военной мощи, особенно после создания ракетно-ядерного щита, сделало цивилизацию менее уязвимой, но не вполне гарантированной от нападения в условиях современного международного положения.

Сохранились политическая самостоятельность и жесткость вертикали власти, хотя они подвергаются эрозии под воздействием либерализма и глобализма. Своеобразие форм государственного и социального развития, полиэтничность и многоконфессиональность, самобытность и оригинальность культуры остаются, хотя толерантность отношений между этносами и конфессиями после распада СССР колебалась, а культура подверглась разрушительному воздействию со стороны Запада.

Принципиальному изменению и деградации подвергся изначально земледельческий характер экономики. Она стала преимущественно индустриальной и зависимой от зарубежных поставок продовольствия. Трудные условия воспроизводства человеческого существования по причине суровости климата на большой территории цивилизации, частой сменой форм собственности, многочисленных финансовых потрясений и отставания технического прогресса сохранились, но заметно уменьшились по сравнению с предшествующими веками. Не удалось добиться социальной справедливости. Цивилизация не ушла от мобилизационного типа прогресса.

Существенное внимание в работе было уделено выяснению роли внешних факторов и диффузионных механизмов в контексте российских модернизаций. В связи с этим были поставлены три исследовательские проблемы: методологические основания исследования экзогенных факторов в мировой и отечественной истории; западноевропейские элементы в модернизации российской цивилизации в имперский период; внешние факторы российских модернизаций в историческом и современном аспектах.

В ходе рассмотрения первой проблемы сделан вывод, что поскольку модернизация применительно к России — изначально экзогенный феномен, а направления изменений традиционного общества задавались образцами из Европы, методологической основой изучения российских модернизаций, трансформации под их влиянием российской цивилизации, выявления их специфики, может выступать концепция диффузионизма, основанная на идее распространения форм культуры из центров их выработки к периферии и культурного синтеза в ходе взаимодействия традиционной и инновационной культур.

Во-вторых, показано, как типологические черты российской цивилизации (на имперском этапе ее существования) — огромная, расширяющаяся территория; доминирующий в обществе русский язык; массово исповедуемое православие; освященная авторитетом православной церкви монархическая власть; многонациональность и многоконфессиональность; деревенская, крестьянская, аграрная система воспроизводства; социальная асимметрия и дихотомия народной, массовой, «почвеннической» и элитарной, «западнической» субкультур — с начала активного вовлечения России в европейский культурный круг претерпевали существенные трансформации. Аграрный тип жизнеобеспечения менялся на промышленный; православная духовность размывалась секуляризацией и рационализацией; деревня питала город в ущерб себе; одушевленное традиционное сознание сменялось стандартизованным образованием, развитием наук и профессий;

освященное церковью самодержавие вынуждено трансформировалось в сторону представительной политической власти; территориальная и социальная оседлость сменялась мобильностью; народные обычаи и культура — оттеснялись на обочину новым театром, музыкой, изобразительным искусством, литературой; русский, национальный язык существенным образом видоизменялся под воздействием западноевропейских заимствований. То есть, модернизация российской цивилизации была ответом на вызов Запада и шла в направлении тотальной трансформации ее социокультурных основ. Совершенствование и рационализация управления, создание новых отраслей промышленности, их растущая механизация, развитие транспорта и средств коммуникаций, технологические и социальные преобразования в аграрной сфере, становление и развитие новых систем выработки и передачи знаний, утверждение и популяризация светского искусства, прогрессивные перемены в быту и повседневности — начали развиваться в России благодаря ориентации на западный опыт и его внедрению. Их развитие разрушало российскую цивилизацию в ее традиционном качестве, заимствование чужих порядков, вещей, языка модернизировало ее.

В-третьих, исторические паттерны российских модернизаций накладываются на современность. Современная российская модернизация вновь признается экзогенной, так как обусловлена давлением внешних факторов, а не внутренней потребностью элит / общества / народа. Показано, что шаги, предпринятые российским правительством за первый год по реализации объявленной программы современной модернизации по ряду позиций аналогичны событиям петровской модернизации, осуществлявшейся 300 лет назад.

Повторяемость диффузионных волн, а также воздействие механизма демографического цикла придавали цивилизационно-модернизационной динамике России определенную цикличность, которая еще более усиливалась в связи с повторяемостью периодов военной угрозы, которые требовали проведения военной модернизации и создания мобилизационной экономики.

В основе предпринятого исследования механизмов цикличности в российской истории лежит факторная модель исторического процесса, который подразумевает анализ воздействия на историческую динамику двух важнейших факторов — демографического и технологического. Подводя итоги, мы можем сказать, что, с точки зрения исторической социологии, Советский Союз был одной из многих этатистских автократий, которые рождались, жили и умирали, повинаясь одному закону — закону демографических циклов. История Советского Союза в известной мере повторяла историю монархии Романовых. Обе эти истории нача-

лись после демографических катастроф, двух «Великих Смут», XVII и XX вв. Какое-то время после этих смут крестьяне могли наслаждаться относительно высоким уровнем жизни и низкими налогами. Но Петр I и Сталин под воздействием исходящей от Запада военной угрозы приступили к технической модернизации своей страны, к созданию мощной военной промышленности. В обоих случаях эта модернизация потребовала перераспределения ресурсов в пользу государства и отнятия их у народа — в обоих случаях она сопровождалась голодом и страданиями народных масс. Чтобы подавить сопротивление оба вождя использовали соответствующие орудия государственного террора — Преображенский приказ и НКВД. Тем не менее, благодаря этой модернизации и этим жертвам, Петр I и Сталин одержали победы над внешними врагами и создали — каждый свою — Империю. В обоих вариантах империя была этатистской автократией, управляемой методами государственного регулирования. После окончания войн обе империи обратили свои силы на мирное строительство, начался период «поднятия целины», жизнь народа существенно улучшилась, что сопровождалось бурным демографическим ростом. Одновременно происходил и рост элиты, которая была стеснена в своих жизненных средствах и испытывала все большее недовольство. Между тем, в условиях мира государственное регулирование постепенно ослабло, а с Запада распространилась диффузионная волна подражания роскошной жизни европейских высших классов. В погоне за роскошью «служилые люди» стали извлекать неконтролируемую ренту из своих «объектов управления», а затем и вовсе приватизировали свои поместья и фабрики. В этой цепи событий напрашивается аналогия между «революциями» 1762 и 1993 гг., и за которыми последовало падение уровня жизни простого народа.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв. в существенной степени определялось сильнейшим — подчас решающим — воздействием на их цели, механизмы и динамику геополитического фактора. Геополитические императивы — необходимость укрепления обороноспособности страны и обновления ее военно-технического потенциала, достижение хозяйственной автаркии и технико-экономической независимости — на всех исторических этапах составляли мотивационную основу модернизационных начинаний, обуславливали их «догоняющий», форсированный, государственно-центричный характер. Политика российских модернизаций и дореволюционного, и советского периодов с неизбежностью становилась способом решения масштабных геополитических задач, будучи результатом либо осознания необходимости экстренных военных усилий (Северная война), либо осмысления горьких уроков военных поражений (Крымская война),

либо стремления гарантировать страну от военных угроз (строительство «социализма в одной стране»). В силу присущих России органических слабостей, коренящихся в недостаточной зрелости экономических и культурных предпосылок масштабной модернизации, расширение геополитического базиса Российского государства, подхватывавшее эстафету предшествующих колониционных процессов, становилось одним из исходных условий и необходимым компонентом важнейших модернизационных сдвигов. Это выразилось, прежде всего, в компенсаторной опоре государственных программ модернизации на масштабную эксплуатацию природных ресурсов, разнообразие и дешевизна которых поддерживались расширением подконтрольной государству территории. Эта глубоко укоренившаяся в экономической практике и национальном менталитете тенденция, становясь чем-то вроде цивилизационного «кода», оказывала противоречивое воздействие на ход модернизационных процессов. С одной стороны, экстенсивный прирост ресурсов и присвоение природной ренты не только превращались в один из мощных и долговременных источников накоплений для целей модернизации, но и обуславливали — главным образом за счет фактора экономии масштаба — важные организационно-технологические сдвиги на стадии модернизационных «прорывов». С этим связаны как зарождение крупнозаводской горно-металлургической промышленности в России в петровскую эпоху, так и крупнейшие проекты освоения восточных регионов страны в советский период. С другой стороны, в той мере, в какой модернизация экономики требовала постоянства ориентации на качественные преобразования, экстенсивный тип развития выступал сильнейшим механизмом их торможения. Сегодня это в существенной степени продолжает определять сложный баланс преимуществ и слабостей российской экономики.

«Геополитизация» алгоритма российских модернизаций существенно влияла на конфигурацию присущих российской цивилизации отношений между «центром» и «периферией». В этом отношении Россию отличало то, что центр и окраины, благодаря неиссякаемым потокам русской колонизации, развивались в основном в рамках единого геополитического и культурно-символического поля, однако растянутость колониционных процессов во времени и пространстве приводила к значительному отставанию окраин в темпах экономического и культурного прогресса, своеобразию утверждавшихся там социальных форм. В результате углублявшейся дифференциации воплощавший политическое всеисилие государства центр становился единственным источником системных изменений в обществе, а окраины — убежищем вытесняемых несистемных, маргинализируемых социальных элемен-

тов и практик. Модернизационный контекст развития не только превращал социально-культурные различия «центра» и «периферии» в абсолютное выражение дистанции между прогрессом и отсталостью, но и увеличивал этот разрыв масштабной ресурсной эксплуатацией и депривацией российских окраин. Противоречивый характер модернизации «догоняющего» типа проявлялся в том, что она, активно вовлекая окраины в процессы общественных преобразований, всецело подчиняла их жизнь интересам и воле центра, сковывая тем самым возможности их саморазвития. Как результат, деформированное, одностороннее развитие окраин практически не приводило к возникновению там сильных и жизнеспособных локальных центров. Осознание необходимости преодолеть инерцию такого ущербного, несбалансированного развития страны уже в период капиталистической модернизации дало начало смелым проектам сдвига центра национальной экономической и культурной жизни на восток, но только в советский период были предприняты масштабные практические попытки превратить эти идеи в реальность. Несмотря на достигнутые на этом направлении успехи, исторически сложившаяся инерция глубокой неравномерности развития «центра» и «периферии» продолжает оставаться одной из самых сложных общественных проблем России.

Цивилизационная специфика России способствовала обретению модернизацией фронтирного характера. Российская евразийская цивилизация складывалась постепенно, на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась наличием фронтирных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зонами такого цивилизационного пограничья в рамках евразийской цивилизации длительное время являлись восточные регионы страны, в частности, Урал и Сибирь, которые могут рассматриваться в качестве варианта фронтирной модернизации в XVIII — начале XX в. К числу особенностей фронтирной модернизации можно отнести большую подвижность населения, сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особая роль военного элемента, усиление гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливое переплетение традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формирование анклавно-конгломератной пространственной структуры. Указанные модернизационные черты в конечном итоге содействовали еще большей акцентуации своеобразия Российской цивилизации.